

Странные романы

Юрий Никитин

Чародей звездолета «Агуди»

«ЭКСМО»

2003

Никитин Ю. А.

Чародей звездолета «Агуди» / Ю. А. Никитин — «Эксмо»,
2003 — (Странные романы)

Президент России, конечно же, демократ. Более того, демократ до мозга костей. Скажем больше, он гораздо демократичнее любого демократа в Европе, потому что европейцу не надо доказывать, что он – демократ, а русский вынужден это доказывать себе и другим. И даже перегибать палку в демократизме, терпимости и политкорректности. Но когда на чаше весов выживание самой России – нужно ли оставаться демократом любой ценой, зная, что Россия тогда обречена? Или хватит смелости принять верное, но не популярное решение?

© Никитин Ю. А., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

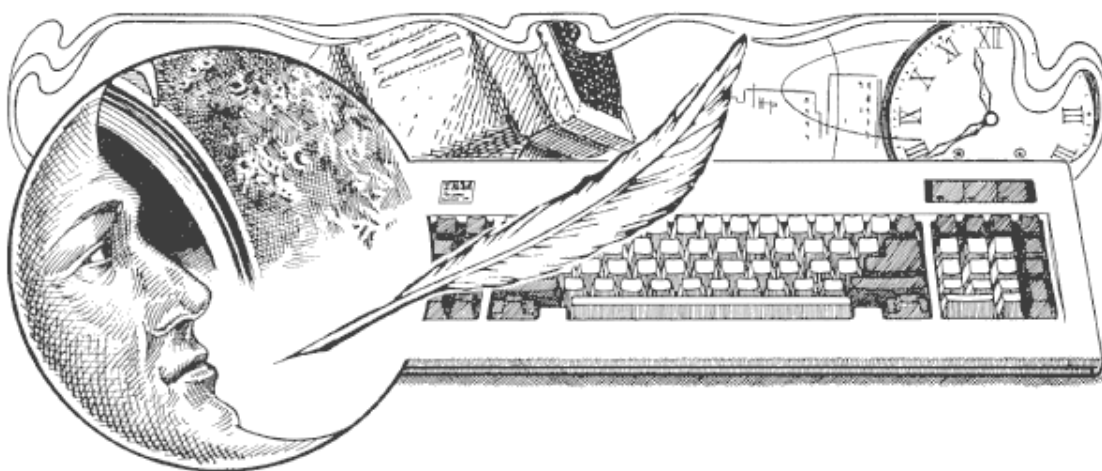
Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	41
Глава 6	48
Глава 7	54
Глава 8	61
Глава 9	66
Глава 10	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Юрий Никитин

Чародей звездолета "Агуди"

Всем, у кого хватает отваги выйти из стада.

Часть первая

Глава 1

При моем приближении поднялся Крамар, в прошлом чемпион в каких-то спортах, массивный, но все еще быстрый и точный в движениях, начальник охраны президента, то есть моей охраны. Или охраны меня. Я кивнул, он снова сел и застыл, стараясь не привлекать внимания. Однако я ощутил острый взгляд, которым пронзил насквозь так, что на пару секунд я ощутил себя шагающим скелетом, затем Крамар изволил нарастить мне мясо, кожу, одежду, лишь тогда взгляд потух, не обнаружив ничего такого, что могло бы служить оружием.

Он охранял трех предыдущих президентов, и хотя каждый начинал с того, что отстранял его и ставил «верного» человека, оказывалось, что этот верный, ошалеv от обилия возможностей, начинает собственную игру. Приходилось срочно вызывать профессионала. Крамар не смотрел на меня, как на хрупкую китайскую вазу, способную рассыпаться от малейшего толчка, но старался исключить все возможности, когда череп мне может разнести пуля, а в желудок попасть яд. Да и вообще он уже знает все о моем здоровье, психическом состоянии, и если бы, скажем, хлопок в ладоши мог вогнать меня в инфаркт или в инсульт, то еще при входе в Кремль всем бы связывали руки.

Окна плотно зашторены, но яркое утреннее солнце просвечивает их, как папиросную бумагу. Зимой в это время еще глухая ночь, а сейчас только восемь утра, а солнце чуть ли не в зените, воздух прогрет, напоен зноем, даже мощные кондишены могут только охладить воздух, но не убрать ощущение знойного лета.

Я окинул взглядом Малый кабинет, сдержанно улыбнулся. Людмила, моя супруга, не полагаясь на свой вкус, вызвала пару лучших дизайнеров, в очередной раз кое-что подправила в интерьере, так полагается, комильфо, каждый президент привносит свое. Кабинет остался старинным, императорским, даже царским, но свет красиво и функционально падает со всего потолка, не разбиваясь на отдельные лампы, новый писк в освещении, на столе специально сконструированный для президента ноутбук с расширенными возможностями, экраны на стене

напротив скрыты панелями из дорогого мореного дуба, уникальная мебель прошлых монархов, словом, шикарнее кабинета нет даже у арабских шейхов, но мне все это по фигу, я точно так же мог бы работать и в своей двухкомнатной квартирке в Южном Бутово.

Сам кабинет, кабинет президента, на мой неизбалованный вкус, великоват, не привыкну, как не привык за первый срок, а сейчас за спиной половина второго, даже больше. Через полгода либо на покой... во всяком случае, так отвечаю корреспондентам, из которых две трети – разведчики из-за бугров, либо все-таки на кафедру, куда по-прежнему тянет, где могу развернуться, вынести на обсуждение новые идеи.

Хотя, конечно, в кабинете не только удобно принимать важных гостей для разговора с глазу на глаз, но и собирать узкий круг сторонников. Правда, для этих случаев есть целая система залов: от крохотных до просто гигантских.

Я опустил в кресло за рабочим столом, массивным, внушительным. Сиденье услужливо приняло задницу, в спину мягко уперлось именно в тех местах, где позвоночник изгибается, где плечам комфортно, даже затылок ложится на мягкий и упругий подзатыльник или как его там. Понятно, что спинка неспроста выше головы, так издавна вожди, князья, цари и короли защищались от бросаемых в спину ножей и дротиков, а теперь и от снайперских пуль. Под мягкой обивкой листы особо прочного материала, чуть ли не танковая броня, в ящичке стола – заряженный пистолет, что, конечно, смешно, и так все входы и выходы перекрывает сотня суперпрофессионалов особой команды по охране президента. Да плюс металлодетекторы, через них проходят все без исключения, еще – скрытые и явные видеокамеры, стальные двери, что по сигналу тревоги перекроют все помещения, комар не выскользнет...

Большие красивые окна, такой прекрасный вид на спокойный мирный Кремль, эти окна можно прошибить только выстрелом в упор из мощного танкового орудия. Да и сам Кремль не такой уж и мирный с точки зрения среднего полунинтеллигента, если учесть, что на шпигован скрытыми телекамерами, а среди слоняющихся туристов две трети сотрудники секретных служб, причем треть охраняет президента и его кабинет, а остальные ломают головы, как эту треть обойти.

Неслышно вошел Карашахин, эдакая кабинетная крыса, человек, идеально подогнанный средой обитания к жизни в ареале политики. Серый, сгорбленный, некрасивый и всем своим видом убеждающий всех, что он никому не соперник, ему не нужно даже то, что останется после победителей, так что берите всех бабс, все пряники, жрите всю траву, а я тут в уголке посижу и даже ноги подожму, когда зубатые пасти окажутся близко.

Это руководитель моей канцелярии, тихий и всегда старающийся быть незаметным член моей команды. Мне достался от предыдущего президента, а тот получил от предшественника. Карашахин безупречно знает свое дело, всегда все помнит и ничего не забывает, работу организовал идеально, своего мнения не имеет, во всяком случае, разумно придерживает, словно шпион какой, любое распоряжение выполняет четко и в срок, а если невыполнимо, то аргументированно говорит сразу, почему это, простите и еще раз простите, невозможно.

Весь в сером и сам серый, с короткой бесцветной русой бородкой, серыми из-за седины волосами, он наклонился над моим левым плечом, не страшась, что поплюю, знает мою нерелигиозность, произнес серо и серым голосом серые слова:

– Я запросил дополнительные данные. В любой момент вам предоставят любую справку, специалисты дежурят у пультов.

– Добро, – сказал я.

Он задержался на миг, но я ничего не добавил, и удалился так же тихо, как и возник. Я с натугой встал, спина уже взмокла, сбросил пиджак и повесил на спинку кресла. Легкий, сшитый удачно, по фигуре, все-таки тяготит и чуточку раздражает, напоминая о пришедших из глубины веков ритуалах. Конец мая жаркий, душный, со всех сторон снова о всемирном

потеплении, но поди ж ты, не выйдешь на улицу голым, хотя, когда за окном тридцать два по Цельсию, на костюм даже смотреть противно.

В комнату вошла Ксения, пышные волосы забраны в задиристо приподнятый кверху хвост, распушенный, как у скунса, деловое платье с высоким вырезом, улыбнулась, голос прозвучал почему-то печально:

– Ну что, господин президент, налюбовались?

– Чем? – спросил я.

– Ну, обновкой...

– Ах да, – сказал я, – конечно, конечно... Не забудьте напомнить, чтобы я поблагодарил супругу за проявленную заботу.

– Текст написать? – поинтересовалась она с милым ехидством.

Я смолчал, тихо любясь ее стильным современным обликом, который невозможно представить не то что в древние века или в Средневековье, но даже десяток лет тому. Очень милое лицо с добрыми серыми глазами, сильно вывернутые наружу губы, что придают лицу сексуальный и вместе с тем незащитный вид, крупногрудая и с широким задом при муравьиной талии, однако выглядит не секс-бомбой, а домашней такой и покладистой, для которой уют в доме превышает всех иных утех. И хотя умом понимаю, что у нее звание не ниже полковника, но предпочитаю воспринимать именно как милую секретаршу Ксюшу. Что для меня полковники и даже маршалы, когда я – президент России, что значит ко всему еще и главнокомандующий?

Президент, мелькнуло саркастическое, калиф на час. Эта Ксюша и через год будет полковником, если не выше, а мой президентский срок заканчивается, пора искать другую работу. Но после двух сроков президентства какая работа может показаться достойной? Только на пенсию выращивать розы. Или капусту, ею занялся император Диоклетиан.

– У вас усталый вид, господин президент, – сказала Ксения, – вчера вы ушли далеко за полночь.

– А если я сова? – отбуркнулся я.

– Три часа сна, – заявила она наставительно, – уже не для вашего организма.

Я ощутил себя уязвленным, все тинейджеры почему-то считают, что шестьдесят – обязательно дряхлость. Нет, для тинейджеров и тридцатилетние – старики, но тридцатилетние должны быть умнее и опытнее. Ксения, конечно же, допущена к многим тайнам интимного характера, знает назубок мою медицинскую карту... хотя это, скорее всего, провокация. Вот прям щас начну доказывать, что я еще силен и бодр, а мужчины доказывают это женщинам самым древним способом.

Она что-то уловила по моему лицу, мягкая улыбка осветила ее глаза, пальцы легко подхватили со стола пульт, тут же вспыхнул большой экран.

– Посмотрите пока что-нибудь игровое, – проговорила она, – а я принесу кофе.

– Без сливок, – предупредил я.

– Но врач сказал...

– В задницу этого врача, – сказал я твердо.

Она снова мягко улыбнулась и ушла, плавно покачивая самыми крутыми ягодицами, какие только видел. Намек, что можно не только врача, президенту все можно. На плоском жидкокристаллическом экране возникло искаженное ненавистью лицо, кровь стекает из разбитых губ, темное дуло автомата полыхает огоньками. Я включил звук, загремели злые автоматные очереди. Стреляют в меня, в упор. На другом канале с бешеной скоростью, визжа тормозами, несется автомобиль, сшибает водоразборные колонки, задевает машины, крушит, ломает, все взрывается, а он несется, аки метеор, из окна высунулась рука с пистолетом, прозвучали выстрелы...

На третьем канале реклама прокладок, я уже назубок знаю все марки, скоро сам начну носить, глубоко убежденный в их необходимости для выживания человечества, на четвертом

огромный детина целится в экран из ракетной установки на плече. Я успел переключить на пятый в тот момент, когда детина нажал на спусковую скобу, так что ракета прошла мимо. На шестом трое юсовских командос, прикрывая друг друга, разносят вдребезги сверхсекретную российскую базу, русские спецназовцы глупо орут и десятками падают, всякий раз нелепо подпрыгивая от любого выстрела в их сторону. На седьмом агент ЦРУ отстреливается из двух пистолетов, толпами уничтожая русских и арабских террористов, за его спиной хрупкая блондинка, конечно же, русская, это должно означать, что не всех русских юсовцы в России готовы перебить, не всех, на восьмом и девятом – реклама тампаксов с демонстрацией, как их правильно помещать, на десятом стрельба, взрывы, огненный гриб разносит бензоколонку...

Брезгливо морщась, я переключил на новости. У меня есть и отдельный экран, туда выводятся совсем другие данные, а это те, что идут по общедоступному телевидению, которые смотрят все. И которые президент тоже должен смотреть, дабы зреть, чем живут его подданные. Быстро побежали строки последних новостей, некоторые с фотографиями, иногда с фрагментами видеосъемок, сейчас у многих при себе видеокамеры, вон как сразу десяток человек сумели запечатлеть прекрасный таранный удар по Твин Пиксу.

– Двое террористов, – сообщал быстрый женский голос, – сумели пронести бомбу неизвестного типа на борт Боинга с четырьмястами сорока пассажирами. Террористы пытались направить самолет на небоскребы Нью-Йорка, но военно-воздушные силы США сбили самолет. Террористы, экипаж и все пассажиры погибли. Среди них были президент компании «Дженерал моторс», четверо конгрессменов...

Голос прервался, тут же после мгновенной заминки сказал торопливо:

– Только что поступили результаты предварительного подсчета голосов президентских выборов в Бельгии. Лидер правых ультранационалистов идет впереди с большим отрывом от демократического соперника... Это уже вторая победа профашистской партии в этом регионе! Всего три месяца назад в Дании победила партия нацистов «За Великую Европу!»...

Я расстегнул ворот рубашки. Голоса продолжали сообщать, в каком нестабильном мире живем, как будто для меня это новость, такое надо говорить тем двуногим, что все слышат, видят, но полагают, что это отдельные случайные проявления еще не изжитых до конца... чего, фрейдистских комплексов? Чем еще постараются объяснить наступающее Время Топора?.. Но Россия устала и обескровлена, ей бы продержаться подольше без катаклизмов, революций, потрясений. Ей бы сосредоточиться и перевести дух после неудачи с грандиозным строительством Счастья Для Всех...

Ирландская Революционная Армия снова перешла к активным действиям, уже шесть терактов, из них один в центре Лондона унес жизни тридцати двух человек... Курды, доведенные до отчаяния, сегодня вышли на улицы турецких городов, иракских и иранских. Женщины обливают себя бензином и сжигают в знак протеста против геноцида курдского народа, а мужчины, обвязавшись взрывчаткой, заходят в крупные супермаркеты, на рынки, на автобусные остановки, где приводят взрывчатку в действие, или, говоря нормальным, а не суконным языком журналиста, взрывают...

Вспыхнула совсем уж неожиданная война между Ираном и Сирией. Но между ними лежит участок Ирака, заселенный курдами, что требуют создания Великого Курдистана. На этот раз иранская армия вторглась на земли Ирака, чтобы защитить курдов от истребления турками и иракцами, в наступлении приняли участие более четырех тысяч танков и восьмисот самолетов. Ирак ожесточенно сопротивляется, оборона оказалась глубоко эшелонированной, а противоракетных комплексов втрое больше, чем рассчитывал Иран. С запозданием вступили в бой американские и британские части, расположенные на территории Ирака, что стал фактически очередным штатом США, с силой вбитым прямо в грудь исламского мира.

Баскское национальное движение ширится, сообщают местные источники, вовлекает новые слои населения. От единичных терактов сепаратисты перешли к широкомасштабным

действиям, расстреливая уже не только испанских военных, но совершая теракты в столице Испании. Сегодня приведена в действие бомба в крупнейшем универмаге, погибло двести сорок человек, около тысячи пока объявлены пропавшими без вести...

Ксения внесла кофе, на экран покосилась с неодобрением.

– Ах, господин президент!.. Вы как и не человек вовсе!

– Да вроде бы человек, – пробормотал я.

– Трудоголик – это плохо, – произнесла она нравоучительно. – Нельзя же все время только в работе!..

– Нельзя, – согласился я с сожалением.

– Надо ж и расслабляться!

– Надо, – ответил я с еще большим сожалением. – Но я расслабляюсь, честно.

– Правда? – удивилась она.

Глаза широко раскрылись, удивилась, значит. Ведь знает обо мне многое, если не все. И то, что от ее облика веет таким покоем и уютом, что сразу же взведенные нервы приходят в норму, сердцебиение замедляется, а бросившаяся было в голову при сообщении о теракте в Волгодонске злая кровь при виде ее направляется в другое место.

– Павлов на месте? – спросил я.

– Да, – ответила она. – Он всегда раньше всех. Еще пришли Сигуранцев, Новодворский и Окунев...

Я взглянул на часы.

– До совещания четверть часа, пусть чешут языки между собой. В девять пригласи. А то успеют забыть, зачем пришли.

Я допивал горячий кофе, одновременно просматривал бумаги, что сегодня надо сделать, кого принять, кого поблагодарить, а кого и в последний раз предупредить... Кофе крепчайший, горьковатый, организм нехотя просыпается, слой за слоем убираются пенопластовые прокладки между деталями, вот сдвинулись колесики, по всей поверхности мозга пробежал слабенький ток... Это значит, начинаю мыслить, а все то, что раньше, – на рефлексках, на привычных алгоритмах, что повторяются вот уже семь лет.

Сигуранцев, подумал хмуро, и Новодворский – антагонисты, а в последнее время еще и соперники в начинающейся предвыборной гонке. Знают друг друга как облупленных, но все еще выискивают уязвимые места, основная схватка еще впереди... Или же стараются нащупать точки компромисса?

С каждым глотком прояснялся мозг, перед глазами как живые встали фигуры Сигуранцева, министра госбезопасности, и Новодворского, премьер-министра. Сигуранцев – высокий, подтянутый, фигура кавалергарда, стрижка прусского барона, холодный взгляд пронизательных серых глаз, сдержанный и учтивый, соблюдающий все условности общения. В кино таких сразу вычисляешь как шпионов, убийц и маньяков. Новодворский же, как и Окунев, вице-премьер, это две жизнерадостные и раскованные жирные туши, приветливые, сразу и бесцеремонно на «ты», ни в чем себя не ограничивающие: и поесть, и выпить, и по бабам, даже с важного заседания Думы слинять, чтобы в буфете попить свежего пивка... Этих с первого взгляда определяешь как «наших», ибо человек, качающий мускулы или грызущий гранит науки, в то время как мы по пивку и по бабам, сразу вызывает неприязнь: не такие уж мы и тупые, чтобы не чувствовать – пройдут года, нам таскать тачки на стройке, куда он приедет на сверкающем лимузине!

Новодворский и Окунев как бы полное опровержение родительской нудятины, что, мол, учись много, не пей и не кури, не дружи с плохими мальчиками и девочками, и тогда будешь миллионером или большим начальником. Новодворский, в отличие от Окунева, не только пьет и курит, но и ни в чем себе не отказывает, скоро в двери не протиснется, в то же время самый заметный в стране экономист, за три года в кабинете министров поднялся до премьера, плюс

самый заметный претендент на мое президентское кресло. Он, несмотря на свою тушу, порхает по стране, как бабочка, устанавливая более плотные контакты с региональными лидерами, губернаторами, не упускает случая пообщаться лично с различными деятелями Запада, обещая им, что еще быстрее и надежнее поведет страну по пути реформ, свобод и соблюдения всех прав, чем его предшественник, то есть я. За эти высказывания западная пресса уже сейчас его называет самым многообещающим кандидатом на кресло президента России, которому нужно оказать всемерную поддержку.

Сигуранцев же больше ориентируется на тех, кому расширение свобод уже поперек горла, кто свободу в обществе считает чрезмерной, называет уже не свободой, а своеволием, кто предпочел бы власть пожестче, потверже. На него одобрительно посматривают силовики Громов и Босенко, министры обороны и МВД, соответственно, хотя сам он от них держится на дистанции, все-таки из стаза интеллигентов, его поддерживают и старшее поколение, которое само грешить уже не может, и малочисленные группы молодежи, у которых «сердца для чести живы», но которые еще не знают, кого бить, в то время как зуд в крови и кулаки чешутся, как у щенка зубы.

Я встал с чашкой в руке, панорамные окна показывают залитые солнцем, блестящие золотом крыши, здесь церквушки одна на другой, назойливо лезут в глаза, пора бы президенту подальше от церквей, а то одних раздражают, других заставляют думать о себе чаще, чем того заслуживают. А там дальше, за этими церквями, за Кремлевской стеной, – огромный мир, бурно заселяемая и перестраиваемая планета. Станный мир, где за океаном бурлит жизнь, оттуда плывут эскадры с крылатыми ракетами усмирять дальние страны, на краю земли – а по их взглядам – в самом центре, – медленно и неспешно поднимается могучий гигант с загадочным восточным лицом, которым пугали Европу уже тысячу лет, ислам заливают мир горячей лавой иступленной веры в свое торжество... Это мир, в котором совсем недавно могучая сверхдержава Россия лежит поверженная в прах, распластанная, но нет врага, который стоял бы над поверженным телом и торжествуя вскидывал кулаки: Россия сама рухнула в обнимку с бутылкой...

Это мир, где две трети всех денег сами по себе стянулись в Москву, оживили, вдохнули жизнь, оттуда шевеление начало распространяться на Московскую область, стала и она рентгельной, затем начали просыпаться соседние... но как еще далеко до всей России!

В то же самое время в Москве то и дело сменялись правительства, каждое едва успевало нахапать, как его сменяли другим, а новое, прежде всего, тоже хапало столько, что давилось, откусив кусок больше, чем могло проглотить, отставка за отставкой, какие-то олигархи теснят других. Семья тасует кабинеты, как потрепанную колоду карт, наконец и она, пресытившись грабежами, улеглась поперек кучи трупов, сопя и взрываясь, а микроперевороты случались чуть ли не каждый месяц, и все нововскочившие на президентское кресло тут же уезжали на Запад, уверяя, что они тоже приверженцы общечеловеческих ценностей.

Для покрытой вечным снегом России непонятно, что творится в Москве. Все делят власть, все грабят, красные и белые перемешались, по стране уныние и запустение, все зарастает бурьяном, рушится, валится, никому ничего не надо. А раз так, что, как будто мне нужно больше всех? Чего я буду работать, если вон Петров не работает, а деньги у него откуда-то берутся?

В первые годы перестройки был бум грандиозных банков, что собрали миллиарды долларов и враз испарились, с ними конкурировали всевозможные трасты, инвестиционные компании – все тоже утекло за рубеж, где «новые русские» покупали не просто дворцы, а целые острова с дворцами, в Москве же быстрыми темпами строились новые районы: Северное и Южное Бутово, Митино, Марьино, Гавриково, все – улучшенной планировки, квартиры сказочно дорогие, но как грибы вырастают сразу сотни таких домов, откуда у нищих деньги, а в центре роскошнейшие казино, где превращаются в дым миллионные состояния, там и сям

строятся грандиозные аквапарки, таких нет даже в богатой Америке, первые этажи домов перестраиваются под ювелирные магазины, где торгуют такими драгоценностями, что Эрмитаж позавидует, часовые магазины предлагают прямые поставки самых престижных марок из Швейцарии, в супердорогих ресторанах гремит музыка, известные певцы за вечер зарабатывают больше, чем за год в театре, стриптиз-бары и стриптиз-шоу на каждом углу, вдоль центральных улиц стоят проститутки, а более дорогие публикуют свои предложения и телефоны в газетах, все бурлит, совокупляется, потеет, роскошные машины глотают красавиц с обнаженными плечами и увозят в ночь, улицы под темным небом освещены так, словно вся Москва – огромная сцена.

И по стране, и в кабинете министров, как раньше говорили о социализме с человеческим лицом, сейчас говорят о капитализме с тем же лицом, при этом большинство уверяют, что и при строительстве капитализма у нас особенный путь, только крайние западники настаивают, чтобы ничего не изобретать, а взять и скопировать Запад, нечего косоруким изобретать свои модели.

Дверь приоткрылась, Ксения бросила вопросительный взгляд. Я покосился на свое отражение в стеклянной дверце книжного шкафа: седой лысеющий человек с печальными глазами, можно без натяжки сказать – мудрыми, должен же я быть самокритичен, взглянул на часы, уже пять минут десятого.

– Извини, – сказал я отечески, – давай зови всех!

– Сюда?

Я подумал, покачал головой:

– Нет, в кабинет для совещаний. Там, даже если первыми войдут Окунев и Новодворский, поместимся все.

Пока она разговаривала с министрами, я перебрался в соседний зал, здесь вдвое просторнее, а так почти этот же кабинет: мебель, как и во всех помещениях, старинная, даже антикварная, но я не настолько привязан к старине, чтобы из-за почтения к обстановке лишиться доступа к информации: уже в мое правление на стенах укрепили жидкокристаллические экраны, и каждый год меняют на все более новые, совершенные, навороченные.

Дизайнеры постарались придать им с помощью массивных рам вид дорогих картин, но, конечно, единства стиля как не бывало.

Помню, предыдущий президент как-то в телефонном разговоре попенял мне на такие изменения, я постарался перевести в шутку, пояснив, что тогда для единства стиля мне пришлось бы принимать посетителей в костюме времен Ивана Грозного. Более того, требовать, чтобы ко мне приходили только одетые соответствующим образом.

Зазвонил телефон, я взял трубку, приглушенный голос Карашахина звучал тихо, серо, я вслушивался, одновременно наблюдая, как к двери подходят члены правительства. Мелькнул Новодворский, приятно улыбаясь, розовый такой колобок в пару центнеров, круглые щечки, масляные глазки, с виду добрейшей души человек, всегда говорит только приятное, немногие знают, какой это цельный и неразборчивый карьерист, имеет колоссальнейшие связи, которые завязывал так же неразборчиво: где через браки, в том числе своих детей и многочисленной родни, где через лесть, подарки, везде без мыла влезет, но разве это не добавочная подмога на посту премьер-министра, который и сам по себе – блестящий ум и умелый игрок на международной арене?

Еще при Советской власти он сделал ставку на то, что Запад намного сильнее и обязательно нас добьет, а раз так, то какие могут быть проблемы выбора: на чьей стороне? Конечно же, на стороне сильнейшего! Как и его учитель Сахаров, в эпоху заката режима перешел в оппозицию, смело и гневно обличал строй, уже прекрасно зная, что сталинская жестокость позади, одряхлевшая власть расправиться просто не сумеет и даже не успеет, а когда власть рухнула окончательно, в числе первых замаячил перед телекамерами со звездно-полосатым

флагом России. С того времени усиленно проводит кампанию, что России надо вот так взять и помереть, а земли передать Западу. Русским же, чтобы долго не мучиться, надо вымирать ускоренными темпами, не терпится увидеть, как с карты исчезнет даже название *этой* страны. На Западе три виллы, немалый счет в швейцарском банке, еще две виллы на имя дочерей, и не очень-то стремится платить налоги, записывает на родственников. Увы, ни Запад ничего с этим поделывать не может, ни мы, хоть и знаем, сколько сотен миллионов долларов он уворовал лично. Законодательство у нас, мать его, отстранить бы его вот так, волевым усилием... но я же избран в демократическом государстве большинством голосов, люди ждут от меня исполнения законов!

Новодворский еще был за дверью, я только услышал его задорный и почти игривый голос:

– Вы уж извините, Лев Николаевич, но вы не правы! Насилием ничего нельзя решить. Эта проблема не имеет военного решения... Да и к тому же мы должны соблюдать международные законы... Вы антисемит?.. Простите, но так говорили фашисты... Академик Сахаров – совесть нации... вы уверены, что вы не антисемит?..

Вошел Громов, министр обороны, массивный, как борец сумо, но легко носит свое оперное тело. Лицом а-ля турецкий султан: как бы ни брился, щеки и подбородок темно-синие, да что там щеки – синева под самые по-казацки острые скулы, а сверху на эти скальные выступы наползает жаркая трехслойная лава подглазных мешков, у меня ощущение от них, как от переполненных обойм подствольных гранатометов, глаза постоянно держат на прицеле, я там явно в перекрестье, где бегут полупрозрачные цифры, показывающие расстояние до объекта, движение воздуха и даже необходимость разрывной, бронебойной или серебряной пули.

– Время Топора, – прорычал Громов через плечо.

– У нас? – спросил Новодворский, входя следом.

– Везде, – отмахнулся Громов с небрежностью. – Везде на планете по имени Земля.

– Это не так, – ответил Новодворский с достоинством. Он искательно посмотрел в мою сторону, убедился, что я все еще занят разговором по телефону, сказал достаточно громко, чтобы услышал и я: – Во всем мире, как вы могли заметить, крепнут именно демократические ценности. Не видит этого либо слепой, либо фашист. Слепым я вас назвать не могу, хоть вы и пользуетесь очками... У вас минус десять?

– У меня плюс, – сварливо сказал Громов. – Плюс два, так что очки мне без надобности, пользуюсь только для чтения. Это значит, что могу не увидеть врага, который со мной рядом, но вдаль зрю далеко! И что там ждет Россию, тоже вижу.

– И что видите? – коварно спросил Новодворский.

– Величие, – ответил Громов высокопарно.

Новодворский снова бросил на меня осторожный взгляд, не мешаем ли, сказал со вздохом:

– Даже если вам почудился призрак, что бродил по Европе, а к нам однажды явился и нагадил, то нам все равно надо оттянуть конец... не надо ржать, поручик... ах, простите, вы уже маршал, я имею в виду, оттянуть приход этого жестокого времени как можно дольше. Мы обескровлены, измучены...

Я дослушал Карашахина, велел принести бумаги и отключил связь. Разговоры в кабинете разом умолкли. Я кивнул на стулья вокруг стола.

– Прошу садиться, какие церемонии?.. Сколько лет протираем эти сиденья!

Громов бодро каркнул:

– Да уж, я та-а-акой мозоль натер. Больше только у Новодворского на языке.

Они рассаживались, как обычно, строго по рангу, не писаному, но реальному, по которому министр обороны всегда ближе к президенту, чем какой-то там министр какой-то там культуры. Да культуру вообще не приглашают на заседания правительства в узком кругу, а

разве что в самом что ни есть расширенном, когда нужны пионеры, ныне бойскауты, для подношения президенту страны букетов цветов и благодарения за счастливое детство.

Я терпеливо ждал, от строгой процедуры первых заседаний остался только этот протокол, а за семь лет моего президентства сложился полуформальный ход таких заседаний, поневоле сложился, ибо работаем подолгу, а просидеть, как в Генштабе, трудновато для уже привыкших к вольностям демократии, когда можно и почесаться, и галстук расслабить, и квартиру в ноздрах освободить, чего не посмели бы в первые месяцы.

Каганов, министр финансов, маленький и по-окуджавьи обезьянистый, сразу же снял очки и, достав огромный, как шотландский плед, носовой платок в крупную клетку, принялся протирать стекла. Лицо его стало розовым, глазки маленькими, беззащитными.

– Ну, простите, – доказывал Громову Новодворский, они явно продолжали спор, начатый еще в коридоре, если не на лестнице, – глобализм – это светлое будущее всего цивилизованного мира.

– А горячие точки, – поддакнул Громов, – это места, где глобализм проходит обкатку. Где утверждается демократия по-американски!

– Демократизация, – терпеливо объяснял Новодворский, – это начальный этап демократии. В нашей стране должна не только возобладать, но и углубиться демократическая ориентация... Не надо ухмыляться, Лев Николаевич! Это не обязательно нетрадиционная сексуальная ориентация, хотя она, естественно, приветствуется, как показатель свобод в обществе. И детская проституция, на которую так нападаете, всего лишь свобода выбора в демократическом обществе. Не хочешь – не проституируй!.. А без этого не будет полной интеграции в европейские структуры, хотя и неполная, как то: отказ от собственной государственности, как пережитка имперского прошлого, – уже хорошо...

Глава 2

В помещении как будто стало прохладнее, зато повеяло порохом: вошли Сигуранцев и Забайкалец, высокомерные аристократы, холодная властность прусских баронов, одинаково подтянутые тренажерами фигуры, оба в костюмах от Кардена, на плечах того и другого почудились сверкающие погоны, даже не погоны – латы. Сигуранцев, глава ФСБ, совсем недавно был вождем правой оппозиции, а еще раньше – генералом ныне распущенной ударной 27-й армии, а Забайкалец успел посидеть в двух министерских креслах, сейчас занял кабинет министра иностранных дел. Правда, как и Сигуранцев, еще два года тому побывал генералом. Говорят, хорошим генералом.

– Прошу простить за опоздание, – произнес Сигуранцев. – Разбирался со своим штатом.

– Многих расстреляли? – осведомился Новодворский любезно.

Сигуранцев смерил его холодным взглядом.

– Расстрелы начнем отсюда, – ответил он после рассчитанной паузы.

Он сел рядом с Кагановым, тот даже изогнулся, стараясь отодвинуться, чисто инстинктивный жест, никуда не деться, сидят рядом. Самый непримиримый оппозиционер и поборник свобод, как и я, выходец из профессорских кругов, академик. Видный экономист и геополитик, его работы охотно переводятся на языки, переиздаются там чаще, чем у нас. Уже этого для иного достаточно, чтобы считать Забугорье родиной, а Россию называть, как называют демократы, «этой страной», однако Каганов для политика удивительно честен и бескорыстен. Поэтому опаснее даже Новодворского, ибо тот при всех своих дарованиях и бешеной энергии – Наполеон от экономики – он и в жизни экономист: отношения с людьми строит по принципу рыночной экономики: кто полезнее – тому улыбка шире, поклон торопливее, лесть обильнее.

Я посматривал на Каганова, слишком выразительное и открытое лицо, на нем можно прочесть все, что думает в этот момент, а думает, как компьютер последнего поколения, просто молниеносно, однако затем включается фильтр, все эмоции отсеиваются, и выдается то, что говорить надо. Он и сейчас коротко взглянул на Сигуранцева, на лице промелькнула сложная гамма чувств, я видел, как он сказал мысленно: «Да-да, вы правы, Петр Петрович, этих сволочей надо стрелять и вешать, здесь все разворовали, а теперь еще и капиталы вывозят из бедной страны в богатую, чтоб тут вообще подышали», – но, когда губы раздвинулись, я услышал спокойный голос:

– Петр Петрович, расстрелами и ужесточением ничего не решишь. Нужно наладить профилактику правонарушений...

Сигуранцев сказал холодно:

– Как? Говорить всем, что воровать – нехорошо? Вон в Китае ежегодно расстреливают тысячу высокопоставленных чиновников за казнокрадство!.. Остальные страшатся даже копеечку украсть! Представляете, даже копеечку!

– Говорят, – обронил Убийло, министр экономики, – за каждым чиновником следят видеокамеры. А за расходами следят не только у него самого, но и у всех родственников.

Сигуранцев бросил на меня косой взгляд.

– У нас такое не позволяют, – сказал холодно. – Скажут, нарушение прав и свобод личности...

Башмет, министр торговли, обронил застенчиво:

– Да они ж сами и не позволяют.

Забайкалец слушал с интересом, спросил внезапно:

– А кто это «они»?

Убийло и Башмет посмотрели друг на друга, расхохотались. Новые члены правительства, получившие свои портфели не за знания и профессионализм, а, как водится в демократическом обществе, как руководители крупных групп оппозиции, набравших нужный процент, они все еще не могут свыкнуться, что безликие гады «они», то есть правительство, теперь уже они сами.

– И все-таки расстреливать надо, – отрубил Громов.

Вы правы, ответило лицо Каганова, вы абсолютно правы, надо закрыть границы, а тех гадов, что вывезли миллиарды и теперь посмеиваются там, за бугром, надо тайком найти и перестрелять, чтобы другим не повадно. Пусть знают, что не позволим, найдем, отыщем, вор должен сидеть в тюрьме, а еще лучше – если его пристрелят при задержании... Однако вслух он сказал громко и чеканно:

– Насилием ничего не решим. Надо воспитанием, убеждением...

– Эх, – возразил Сигуранцев досадливо, – Игорь Самойлович, вы же умнейший человек, что вы говорите? Как можно этих отморожков перевоспитывать, интегрировать в приличное общество?

И снова лицо Каганова выразило полнейшее согласие с Сигуранцевым, однако вслух сказал:

– Перебьем самых законченных отморожков, перебьем средних отморожков, перебьем начинающих... А где гарантии, что не появится соблазн перебить и просто оппонентов? Если думают, возможно, не то... что считаете верным вы, человек с ружжом?

Сигуранцев взглянул холодно, лед в глазах обрел цвет закаленной стали, я наблюдал с пониманием, ибо при всей симпатии к Сигуранцеву, искреннему и предельно честному, увы, признаю – правда все же на стороне Каганова. Как раз в том, что все развитые и ответственные люди говорят не то, что думают, а то, что нужно. Говорить то, что думают, могли бы собака, кошка, корова – если бы у них появился дар речи. Но у человека поверх разума, интеллекта есть еще и более высокое: воспитание, что сдерживает искренние животные порывы. Когда вот в такой жаркий день втискиваешься в переполненный троллейбус, где душно, тесно, все толкаются, воняет крепким потом даже от хорошеньких женщин, разве не мелькнет злая мысль: да чтоб вы передохли все? Так и Каганов, что бы он ни думал о нуворишах, казнокрадах, забугорье, наркоманах – говорит только то, что говорить нужно, ибо строим огромный дворец цивилизации по формуле «Как надо», а не «Как хочется».

По формуле «Как надо», подумалось, дворец будет малость скучноват, но будет, а по «Как хочется» вообще не построишь, ибо строим всем миром, всеми народами и странами. И у каждого свои мечты, желания, амбиции, которые надо все-таки приводить с соответствие с общим планом.

– А-апчхи! – бухнул Громов.

Каганов пожелал вежливо:

– На здоровье, на здоровье...

– Спасибо на теплом слове, – сказал Громов проникновенно. – Надо же, от демократа! Аж слезу прошибло... Вам, дражайший Игорь Самойлович, надо определенно не только почистить, но и починить очки!

– Почему? – спросил Каганов настороженно.

– Тогда не пожелали бы здоровья, – пояснил Громов, – военно-промышленному комплексу в моем лице. Я ж понимаю, это вы нечаянно.

– Не надо ему, – вступился за Каганова Забайкалец. – У Игоря Самойловича есть выбор: или принять реальность, или протереть очки. И вообще люди в очках – это генофонд нации, они крепки здоровьем: кормушка видна хорошо!

Окунев прислушался, добавил глубокомысленно:

– Близорукий человек подобен суфию: он вечный странник на пути, которого нет.

– Зато близорукий, – вставил Сигуранцев, – идеален как политик: не видит перспективу, зато твердо знает, что разницы между черным и белым – нет. Как вон и наш дражайший Лев Николаевич.

Громов бросил зло:

– Да чтоб вам всю жизнь в тетрис на двенадцатой скорости!.. Не близорукость у меня, не близорукость, а дальнорукость! Это значит, что я вас насквозь вижу!

– Вот видишь, – сказал Убийло Сигуранцеву. – Потому для человека в очках нашего министра финансов такой простор в политике! Хрен что замечает, потому и не проболтается... И стресса у него не будет: снял очки – и ничего не видит, как хорошо!

– То-то его президент так и чешет за ушами.

Каганов чуть не плюнул через широкий стол, а руки задрожали от великой обиды. Обычный треп перед началом работы, но сегодня затягивается, нервничают, чувствуют приближение недоброго. Я положил руки на стол, все моментально затихли, смотрят внимательно, ноутбуки перед всеми лежат закрытые.

Я – во главе стола, справа: Новодворский, Громов, Сигуранцев, Босенко, Забайкалец и примкнувший к ним Окунев – еще один тяжеловес, скоро догонит Новодворского, вице-премьер, министр внешних связей, а также – Директор Центра Стратегического Планирования, в крупных очках с массивной оправой, осторожный государственный. Слева: Каганов, Убийло, Шандырин, Башмет.

Все посматривали на свободное место, но я уже положил руки на стол, все затихли, готовые к началу работы. Дверь распахнулась, вошел Глеб Павлов с газетой в руке, стрижка ежиком, как у боксера прошлого века, крепкий, с небольшим брюшком, похожий на большого сытого кота. Павлов – политолог, советник, антиглобалист, большой кот с круглой рожей, коротко стрижен, отчего голова еще больше кошачья, всегда настороженный взгляд, сразу улыбнулся всем, извиняясь, провозгласил:

– Привет преступному режиму!

Добрейший Каганов заерзал и пробормотал в великом недоумении:

– Почему так уж и преступный? Зачем же вы так, Глебушка...

– А что, – спросил Павлов, – разве в России с точки зрения русского интеллигента хоть когда-то был не преступный? Всегда – преступный! Всегда бесчеловечный.

Он бросил на стол газету, жестом пригласил взглянуть, Каганов спросил опасливо:

– Что там? Бомба?

– Четвертая мировая война! – заявил Павлов.

Каганов схватил газету, страницы зашуршали, он быстро сканировал первую страницу, вторую, третью, спросил с недоумением:

– И где это, Глебушка? На последней странице мелким шрифтом? Между прогнозом погоды и забытыми мячами?

– Мировая! – повторил Павлов со вкусом, словно он сам – главный поджигатель войны, сам ее развязал, сам ликует и гордится. – Да не такая, как предыдущие, только в Европе, а действительно Мировая, Всепланетная!.. Бои идут и в Африке, и в Индии, и на островах Святой Береники... кто знает, где эти острова?.. Но вот семьдесят пять убитых только за сегодня!..

Он сел справа от Шандырина, улыбнулся мне еще раз, мол, простите, господин президент, я никогда не опаздываю, но иногда случается в жизни, он выглядел как большой толстый кот, что упер из ведра рыбака самую крупную рыбину.

– Не брешы, – заявил Громов. – Мы ж ее еще не объявляли? Значит, никакой мировой войны нет.

Павлов скалил зубы. Насладившись общим недоумением, пророкотал довольно:

– Эх вы, гуси!.. Как это вы еще в зипунах в Кремль не пришли? А могли бы, по мордам вижу. По старинке считаете, что третья мировая должна быть похожа на вторую? А то и

первую? Только танки побольше, самолеты потолще, морды поширше... Так полагать – все равно что думать, будто между звездами станут путешествовать на телегах... то есть звездолетах. Четвертая мировая уже идет! Весь мир воюет – разве это не мировая война? Все против всех! Смотрите новости.

Я взял газету, половинку протянул Новодворскому, он же премьер, ему первому, у нас за этим следят, глаза быстро просканировали колонку новостей. Взрывы домов в богатых кварталах США, такие же взрывы в крупнейших магазинах, на автостоянках, улицах, площадях, в переполненных кафе и барах. Долгое время негров преподносили в фильмах как христиан, но на самом деле три четверти – мусульмане, и сейчас, когда удавалось отомстить белым братьям... за что? да просто отомстить, неважно за что, есть возможность убивать не просто так, став преступником, а убивать благородно, с идеей в сердце, то как отказаться от такой сладкой возможности? Да и просто так убивать – тоже хорошо, фильмы приучили, что киллеры – благородно, мафия – хорошо, человек свободен в проявлении своих чуйств...

– Франция, – сказал Новодворский, медленно просматривая газету, – Италия... Германия... ну, ессно, кр-р-ровавые бои в Индии... В Польше вдрызг два рейсовых автобуса и одно здание... В Англии бои на два фронта: с одной стороны, исламские экстремисты из местного населения, они тоже англичане, даже не в первом поколении!.. с другой – Белфаст, ИРА... Даже не на два: где ирландцы – понятно, они действительно на одной стороне, а вот мусульмане по всей стране убивают, взрывают, поджигают, требуют... Похоже, даже Шотландия вот-вот заявит об отделении... Пока что ответственность за теракты берет на себя в основном «Хамаз», но уже и другие группы создали мощные ответвления не только... ох, не только на территории США.

– Что США, – сказал Забайкалец. – В какой стране сейчас нет диаспоры мусульман?

– В счет идут только те диаспоры, – объяснил Сигуранцев, – которые уже начали борьбу. За расширение своих прав, за свободу носить автоматы... мол, у них это национальный обычай, вроде вышивки на рубахах белорусов, а остальные...

– Да, – согласился Забайкалец, – остальные пока не в счет.

– Да. Пока.

На меня поглядывали осторожно, выжидающе, могу прервать в любой момент свободный обмен мнениями, если есть какие-то важные вопросы, но, судя по всему, нет, а собрались, как обычно, на короткое совещание кабинета, что раз в неделю, все хорошо, пока не тонем, можно почесать языки, поупражняться в остроумии и пощеголять прогнозами в политике и экономике.

Каганов взглянул на Павлова без энтузиазма.

– Вас мусульмане беспокоят? Простите, радуют?... А вот меня – засилье китайских товаров. Куда ни пойду, на что ни брошу взгляд: одежда, обувь, чайники, термосы, пылесосы – все китайское! Да что там одежда: телевизоры, видеокамеры, фотоаппараты – все из Китая. Даже, стыдно сказать, компьютеры из Китая, а совсем недавно мы производили собственные компьютеры, те боролись за первенство со штатовскими!.. Все ведущие мировые фирмы разместили заводы в Китае, в том числе, страшно подумать, в области высоких технологий. А если учесть, что Китай – коммунистическая страна, то понятно, что вовсе не коммунистический строй России досаждал Западу. Ведь Китай принят в ВТО, а Россия, несмотря на звание страны с рыночной экономикой, – нет...

Сигуранцев сказал сухим неприятным голосом:

– Ни один, – подчеркнул он с нажимом, – ни один чиновник высокого ранга в России еще не осужден ни за взяточничество, ни за казнокрадство!.. Вы, Игорь Самойлович, уж простите, совершенно напрасно менять девочек в борделе, они не виноваты... У Убийло вагоны улик, но где аресты, где суды, где наказание? Начиная с краха Советской власти, а это сколько лет прошло, ни один высший чиновник не привлекался к суду!.. В Китае, где коммунисты все

еще у власти, ежемесячно сотню-другую расстреливают за взяточничество. Тем самым они сохраняют власть, сохраняют Китай, сохраняют китайскость.

Новодворский захохотал:

– Китай!.. Я сейчас лопну. Уже Китай нам ставят в пример!

Окунев и Павлов тут же заулыбались, еще помнят, что Китай – это сплошное рисовое поле, где по щиколотку в грязной воде бродят бедные оборванные крестьяне и сажают зеленые ростки риса. И ничего в этой беднейшей стране больше нет, а что есть – привезено из России, ибо в Китае даже лопаты деревянные, а на железные смотрят, как на чудо и драгоценность.

Я ощутил укол, у Китая хватает воли идти своим путем, не обращая внимания на протесты Запада. Потому Запад, протесты – протестами, уважает твердость Китая, его приняли во Всемирный Торговый Союз, куда не пускают Россию. А ведь у нас отменена смертная казнь, как требует Европа, у нас самые мягкие сроки наказания...

Каганов произнес невинно:

– А может быть, если долго уговаривать, в самом деле можно уговорить взяточников не брать взятки, волков – не трогать овец, а шук – не трогать карасей?

Новодворский поморщился, сказал деловым голосом:

– Расстреливать своих, чтобы чужие боялись? Недаром же Андрей Дмитриевич Сахаров, совесть нашей нации, говаривал, что тоталитаризм – отвратительно, а русский фашизм – это страшно и отвратительно вдвойне. Давайте все-таки сперва решим, где мы на пути искоренения терроризма, что, как говорится в свободной прессе, угрожает всему миру.

Сигуранцев вскинул брови:

– Валерий Гапонович, мы же не на митинге! Для нас, для России, угрозы терроризма практически нет. В США взорвали башни не потому, что уроды захотели красиво умереть, а потому, что человеческий организм сопротивляется: никто не хочет чувствовать волосатую руку США и в своей стране. Будут и другие теракты, это неизбежно. А вот у нас проблемы терактов вообще нет, а то, что называем терактами, связано только с Чечней, этой крохотной точкой на земле необъятной России. Решим проблему Чечни – о терроризме забудем. А вот для Штатов весь мир начинает превращаться в Чечню!..

Новодворский запротестовал:

– Чечню поддерживает весь исламский мир!

– Бред, – отрезал Сигуранцев. – Международного терроризма в отношении России не существует. Да, чеченцам помогают финансово и политически, но даже помогающие молчаливо признают, что это дело одной России, ее внутреннее дело, а вот присутствие Штатов на планете – это дело всего мира.

Громов прорычал:

– А Штатам на это начхать. Они пока не видят угрозы со стороны террористов... или вообще кого-либо. Для того чтобы юсовцы начали действовать... даже думать иначе!.. у них должны быть... гм...

Он замылся, умолк, Новодворский спросил жадно, стремясь поймать противника на неудачном приеме, добить:

– Что? Что должно быть?

– Должна быть более высокая степень угрозы, – ответил Громов. – Не согласны? Уважаемый Петр Петрович прав, нам нужно и дальше много и громко говорить о нехорошести террористов, но не заниматься этими проблемами. Это дело Штатов, международный терроризм направлен против них, а не против нас. Против нас только чеченцы – это совсем другое. Нам не надо влезать по уши в антитеррористические альянсы и вести себя очень уж активно, иначе и нам достанется заодно с Америкой. Но если Америке за дело, то нам за что?

Сигуранцев кивнул, принимая поддержку, сказал ясным, как морозный воздух, голосом:

– На самом деле эта так называемая борьба с международным терроризмом вовсе не борьба с этим терроризмом...

– А что же, простите? – с ехидцей спросил Новодворский.

Сигуранцев ответил холодным тоном:

– Быстрый путь к американскому господству во всем мире. Бжезинский называет это американской гегемонией, а стыдливые европейцы – американским содружеством наций. Этот фиговый листок, я говорю о шумихе вокруг международного терроризма, должен прикрыть скоростную глобализацию. Глобализация, она же – американизация, началась давно, почти завершена финансово, завершается информационно, осталось только ввести свои войска во все стратегически важные места на планете, и вот уже вся планета под властью юсовцев, простите за народное выражение!

Забайкалец сказал усталым голосом сильно скучающего человека:

– Это не новость, уж простите...

Сигуранцев огрызнулся:

– Тогда нужно вести себя в соответствии с реальностью! Понятно же, что Россию в Запад просто не пустят, ибо Россия... все еще сверхдержава. Как ни живут богато в Дании, Швейцарии или даже во Франции, но их никто не рассматривает как сверхдержавы, это просто смешно!

Новодворский проворчал брезгливо:

– Ах, оставьте эти великодержавные замашки... Россия не может себе позволить быть сверхдержавой.

– Да-да, – подтвердил Окунев, – не может, не может!

Сигуранцев ответил с некоторым раздражением:

– Когда я называю Россию сверхдержавой, это простая констатация факта, а не мои амбиции. Сверхдержавность вытекает вовсе не из ядерного потенциала, который, напомним, все еще есть. Но пусть бы весь исчез, Россия все равно занимает огромное пространство на планете, граничит с огромным числом стран, в ней огромное количество народа, она все еще сверхдержава и будет оставаться сверхдержавой, в какой бы глубокой... скажем вежливо, яме ни оказалась. И даже если нас оккупирует какое-нибудь Зимбабве, это будет сверхдержава Россия, оккупированная страной Зимбабве!..

Громов сказал с неудовольствием:

– Что вы такие страсти рассказываете?

– А что, не так? – огрызнулся Сигуранцев. – У нас нет политической воли, мы не страна... Вот Китай – да, страна!.. Намного беднее нас, в России три тысячи долларов на рыло, а в Китае всего одна, но у Китая есть воля, стратегия, достоинство, есть ясно осознанные цели и... крепкое правительство, что кладет на Запад с прибором, а Запад за это его уважает и размещает там все свои заводы по производству супермощных компьютеров. У нас же...

Их спор шел через голову Башмета, тот как воды в рот набрал, прекрасный работник, но только работник. А в жизни, как о нем говорят, да еще в таких вот выяснениях, он настолько прост и прямолинеен, что даже зануден. Он и морковку в снеговика воткнет обязательно на месте носа, хотя мог бы в зад, в ухо, в живот, в грудь, игриво намекая на нестандартную ориентацию, эстетство, гастрономический разврат или тягу к киллерству. Его постоянный сосед за столом, Шандырин, несмотря на свою постоянно подчеркиваемую рабочекрестьянскость, уж точно нашел бы, куда воткнуть пооригинальнее.

Я обвел всех спокойным взглядом. Люди, с которыми проработал семь лет. Ну, не все в кабинете семь, некоторых я ввел в последние годы, но все же это мой кабинет, сложившийся кабинет, предыдущие президенты перетрясали его чуть ли не ежемесячно.

– Мне скоро уходить, – начал я, и все разговоры мгновенно умолкли, – имею в виду, с президентского поста. Давайте посмотрим, что у нас... За срок моего президентствования ничего экстренного не случилось, уже хорошо. Полагаю, нам... это можно рассматривать и

как политическое завещание... нужно как можно дольше продержаться в стороне от мировых катаклизмов. Всего лишь продержаться, и Россия снова обретет свою мощь. Итак, что имеем за время моего президентства? Первое – по промышленному производству Россия с шестьдесят седьмого места в мире вышла на сороковое, обогнав уже некоторые страны Африки, а также сравнявшись с не самыми крупными провинциями Китая. Второе...

– Что ж поделаешь, – вставил Новодворский с едва заметным сарказмом, – теперь придется как-то приспособливаться жить на большие деньги.

– Да уж постарайтесь, – сказал Сигуранцев недобро. – После ваших просто огромных будет тяжело.

Новодворский проигнорировал ехиду, в мою сторону заметил желчно:

– Положим, поднялись на сороковое месте еще и за счет того, что ниже ватерлинии опустились такие ранее опережавшие нас страны, как Новая Зеландия, Сомали, Перу. Теперь там еще и гражданские войны... Нет-нет, я не умаляю ваших заслуг! Просто я, так сказать, в порядке объективности. В сравнении с тем, что пятнадцать лет назад мы были на втором месте в мире по производству, пять лет назад – на шестьдесят седьмом, то сороковое – просто экономическое чудо! Это обмыть надо.

Я бросил на него злой взгляд, продолжил:

– Не ерничайте, Валерий Гапонович. Это вам не идет. С виду профессор, а унутри – фашист. Ладно, продолжим. Инвестиций в нашу экономику как не было, так и не предвидится, несмотря на явный рост, несмотря на то, что у нас могли бы заработать впятеро больше, чем у себя. Вот и говорите, что капиталисты за копейку удавятся! Нет, когда надо врага добить, то от сердца оторвут целый доллар... Это в Китае Запад строит огромные заводы, уже девятьсот миллиардов инвестиций туда вбухали... кстати, несмотря на то, что там все еще строят коммунизм!.. а нам перекрывают кислород везде, где только можно. Так что выползать из-под развалин приходится все еще самим. Однако развалившуюся инфраструктуру уже существующих производств за последние годы поправили, а кое-где и заменили вовсе. По крайней мере, вон Лев Николаевич подтвердит, армию начинаем модернизировать...

Громов сердито сверкнул турецкими глазами, буркнул:

– Не армию. Так, мобильные группы. Но для постоянных конфликтов, признаю, самое то.

– Наше пакостное положение в мировой экономике, – продолжил я, – в котором мы зависли после развала Советского Союза, будет и дальше поддерживаться Западом даже в ущерб своим интересам. У нас и соседи по торговле хреновые, а газ с нефтью в Европу надо транспортировать через ныне враждебные бывшие союзные республики, что не упустят случая лягнуть ослабевшего льва...

Синие щеки Громова заблестели металлом, сам он пророкотал грозно:

– Ослабевшего, но не умирающего! Вы не упомянули из скромности немалые плюсы, как то: прекращение этого проклятого лохотрона, названного экономикой и политикой современной России. Прекратилось это постоянное сокращение вооруженных сил под видом оптимизации структуры... Даже заткнули пасть либералам с их проклятым планированием семьи, что на самом деле всего лишь сокращение экономически неоправданного населения.

– Экономически неоправданного? – переспросил я с удивлением.

Он скривился.

– С точки зрения либералов, мать их. Для этого они и сексуальную революцию провели, это высшее достижение демократии и либеральной мысли. И сексуальные меньшинства сделали большинством, чтобы люди не плодились. А сейчас права этих... мать их, меньшинств – главный предмет заботы демократов.

Ксения заглянула и, уловив кивок Забайкальца, внесла большой поднос с бутербродами. Из шкафа достала чашки, из тонкого носика кофейного аппарата ударила ароматная струя темного кофе. Окунев потер ладони, крикнул, а Шандырин вскочил и принялся помогать переносить

силь чашки на стол. Разговор сбился, взгляды всех скрестились на светло-коричневой пене, Окунев виновато напомнил о сливках, Ксения улыбнулась и показала взглядом ему под руки: для двойного кофе две порции, Окунев торопливо заизвинялся.

Неслышно явился Карашахин, проскользнул, как привидение отца принца Датского, к моему месту. В руках всего один листок, у меня всякий раз сердце екает, когда вижу не толстую папку, а вот такой один-единственный листок. Лицо Карашахина, как всегда, привиденьеву непроницаемо и отрешенно, словно зрит другие миры, в глазах тьма космоса, где слабо поблескивают звездочки двенадцатой величины.

Листок опустил передо мной, я кисло скривился.

– Что-то важное?

– Не секретное, – ответил Карашахин. – Насчет важности... судите сами. Оставленный в лесу костер вроде бы не важен сам по себе...

Новодворский смотрел жадно, а Сигуранцев пророкотал покровительственным басом:

– Если не секретное, то читайте, здесь все свои. Даже Новодворский, хоть и пятая колонна юсовцев.

Карашахин взглянул на меня за разрешением, я кивнул, он взял листок и прочел тихим бесцветным голосом:

– Губернатор Приморского края заявил, что не видит причин препятствовать массовому переселению китайцев на территорию Дальнего Востока. Уже сейчас эти трудолюбивые и неприхотливые люди, сказал он корреспондентам, буквально оживили этот край, ключом бьет торговля, налажен транзит китайских товаров дальше в глубь России...

Громов рыкнул:

– Дер-р-рмо... Китайцы ему уже купили дачу на Канарах? Шкура!

Павлов засмеялся, покрутил головой, в глазах восторг.

– Зато какие слова подобрал! «Оживили край», «бьет ключом торговля», да только что могут покупать наши сограждане, если не работали при Советской власти, не работали при перестройке, не работают и сейчас, а только требуют хлеба, денег и водки?

Шандырин заступился с туповатостью рабочекрестьянина:

– Ну что ты такое говоришь? Водки они не требуют. Это единственное, что и так знают где найти, достать, купить, украсть... Край-то оживили, но тут опять же тот проклятый вопрос: будем по старинке али как?

Каганов спросил настороженно:

– Что значит «по старинке»? И что значит «али как», чего я почему-то заранее боюсь больше?

– По старинке – это действовать, как действуют пока что все страны и народы, религии и партии, общества и движения: сперва благо моего народа, моей страны, а потом – остальных. Али как – это действовать чисто по-русски, то есть – свои интересы втоптать в грязь, как мы это постоянно делали, а жить и действовать для всего человечества! Ну, строить коммунизм для всех, отдать территорию России для тех, кто бойчее и порасторопнее русских...

Я морщился, спросил с неудовольствием:

– Ну и что?

Карашахин слегка поклонился:

– Ничего особенно. Я просто думал, что вас это может заинтересовать.

Он метнул взгляд на Павлова. Тот хмурился, двигал губами, словно пытался раздавить скользкую виноградину.

– Да, – сказал он наконец, – это заинтересует... или должно бы заинтересовать даже нашего дорогого господина президента, несмотря на то, что он мыслями уже на своей профессорской кафедре. Или пишет мемуары, как вытаскивал Россию из кризиса. Все-таки проблема Рязанской области существует, как ни крути...

Глава 3

Министры переглядывались, голоса стали осторожнее. Всякий старался не встречаться со мной взглядом, у каждого свое мнение, а мое, увы, совпадает разве что с Новодворским. Желудок сжался, я ощутил неприятный спазм. Почему для большинства из них ситуация в Рязанской области – серьезная проблема? Нет, для кого-то несерьезная, для Новодворского и Окунева – только к лучшему, но я просто вовсе не вижу пока никакой проблемы. И не интересуется она меня, несмотря на подталкивания Павлова, не интересуется. Все законно, все по нормам как наших законов, так и по нормам международного права, к которому у меня уважения почему-то больше, чем к отечественному. Сравнительно недавно в Рязанскую область приехали кобызы, переселенцы из бывшей нашей АССР, теперь это территория Узбекистана, который не признает никакой автономии кобызов, а всех их поголовно считает узбеками. Те же проблемы у грузин с абхазцами и аджарцами, у китайцев с уйгурами, а курды так и вовсе тысячу лет пытаются добиться собственного государства, но их записывают в Турции – турками, в Ираке – иракцами, а в Иране – иранцами. Словом, проблемы я не вижу в упор, как бы ни пытались меня возбудить националисты или прочие радикалы.

Ничего нового и в том, что кобызы начали обзаводиться потомством не по принципу «айн киндер», а в соответствии со своими традициями, то есть по семь-десять детей на семью. Гораздо важнее то, что они сразу же включились в работу, не брезгают никаким черным трудом, в то время как наши только стонут, жалуются и выпрашивают помощи. Кобызы работают день и ночь, а наши пьянствуют, жалуются на тяжелую жизнь, валяются в канавах. Кобызы искренне недоумевают: какая тяжелая жизнь, здесь же так все хорошо, громадные возможности для работы, платят в пять раз больше, чем платили у них в Узбекистане, это же счастье – жить на Рязанщине...

А что детей плодят, так и вы плодите, кто вам-то не дает, чего скулите, чего жалуетесь, что у соседа огород лучше, гуси толще и даже козы дают молока больше, чем ваши коровы?

К переселенцам приезжают их многочисленные родственники, а главы районных администраций рады притоку крепких рабочих рук. Кобызы исповедуют ислам, что значит – спиртного ни капли, это же такая находка для спивающейся Рязани! Потом, правда, приток переселенцев стал настолько велик, что возникла отдаленная угроза демографической нестабильности, однако в Узбекистане произошли национальные волнения, прошла какая-то резня, и переселенцы превратились в беженцев, которых сам бог велел принять и обогреть. Потом в Узбекистане все затихло, кобызы перестали переезжать на Рязанщину, и проблема забылась. Сама же Рязанщина из отсталых регионов, что всегда стояла с протянутой рукой, превратилась в процветающую область. Пустовавшие земли теперь распаханы, урожайные годы пошли один за другим, несмотря на засуху и стихийные явления, которые постоянно мешают танцевать соседям. Рязанская область превратилась в область-донора.

Я молчал, все тоже молчали, посматривали в экраны ноутбуков, переглядывались, Павлов наконец сказал настойчиво:

– Господин президент, сейчас там пугающая нас демография. Соотношение русских к кобызам составляет пять к одному.

Я уточнил:

– Пять кобызов на одного русского?

– Нет, господин президент.

– Что нет? Наоборот?

– Да, господин президент. Пять русских против одного кобыза.

Я посмотрел с раздражением.

– Слова-то какие употребляете...

Он встревожился:

– Я в чем-то ошибся?

– Почему обязательно «против»? Пять русских к одному кобызу. Ладно, что вас тревожит?

– Будущие выборы, – ответил он лаконично. – Нет, я не имею в виду те, что уже в следующем году, а вообще. Но через восемь лет, как подсчитали демографы, еще полмиллиона молодых кобызов получат паспорта и право участия в выборах.

– И что же?

Его глаза оставались холодноватыми, а голос прозвучал нарочито ровно и отстраненно:

– Как показывает опыт, избиратели из числа русских не обращают внимания на национальность кандидата. Спокойно голосуют за еврея, украинца или кавказца, а против фамилии русского с чистой совестью могут поставить прочерк. А вот кобызы, как и практически все малые и сплоченные народы, всегда голосуют за «своего». Неважно, какой сволочью считают, но зато – свой. А русский, пусть даже ангел, но – чужой. Так что, господин президент, социологи предсказывают, что через семь лет мэром Рязани станет кобыз. И главы районов тоже будут кобызами. Кстати, в двух районах они уже кобызы...

Я спросил живо:

– И что изменилось?

Он ответил сухо:

– Ничего. Но там пока что подавляющее большинство русских.

– Ничего и не изменится, – сказал я. – Мы всегда ожидаем гораздо большего, но, к нашему разочарованию... и радости тоже, обычно ничего не происходит. Мир гораздо более устойчив, чем нам кажется. И ожидается. Давайте вернемся к предварительному подведению итогов. Я для своего сменщика должен или не должен оставить список дел, которые сделаны, которые начаты, но не закончены и которые надо сделать обязательно? Давайте поработаем.

Но настроение испорчено, видел по их лицам.

– Ладно, – сказал я досадливо. – будем считать, что затянувшийся обмен мнениями закончился. Теперь давайте приступим к конкретике. Где у нас наметились узкие места?

– Россия, – сказал Новодворский с удовольствием, – вся из узкого места, хотя сама... гм... широкая. Как сказал Андрей Дмитриевич Сахаров, совесть нашей нации, у русских руки растут не из того места.

Я поморщился, кивнул:

– Возможно, вы правы, но нам работать с тем, что есть.

Окунев, которого прочили в будущие премьеры, как только в кресло президента сядет Новодворский, возразил с живостью:

– Почему? В Москве, к примеру, все больше грязную работу выполняют украинцы, армяне, турки! Даже в исконно русских селах, как вот доложил господин Карашахин, лучшие урожаи собирают какие-то экзотические кобызы. Господин президент, вас избрали, чтобы на мир смотрели реально!

На миг наступило молчание, Новодворский шевельнулся в кресле, оно заскрипело под чудовищным весом, обронил многозначительно:

– У нас – демократия. Мы – для того, чтобы помогать президенту нести бремя власти.

Он гордо выпрямился, бесстрашный и фотогеничный, несмотря на всю массу лишней плоти, герой борьбы с русским тоталитаризмом, русским расизмом и русским шовинизмом, за что получал щедрые бонусы от Запада в виде званий почетных академиков, борцов за свободу и демократию. Бороться с русским фашизмом тем более приятно, что фашизма в России отродясь не было, даже ростков. Зато под видом этой борьбы так удобно топтать это русское быдло, стыдить, что оно русское, и добиваться, чтобы русское быдло по возможности выезжало за рубеж, становилось там местным быдлом, быть быдлом американским или немецким вовсе

не стыдно, а наоборот – почетно. Американское быдло, как и вообще западное, даже президента выбирает такого же быдловатого, чтоб уж совсем свой, родной, понимающий их душу, их желания, запросы.

Шандырин поинтересовался с недоумением:

– А он как смотрит?

Новодворский сказал ему мягко, отечески:

– Ах, Иван Иванович! Выходя из дому, не забудьте проверить, выключены ли все электроприборы, закрыты ли газ, вода, ширинка...

Шандырин испуганно провел рукой по причинному месту, потыкал пальцем, выискивая зазоры, глазом не увидать из-за зеркальной болезни, у которой симптом один, но грозный: из-за переваливающегося через ремень брюха свои гениталии можно увидеть только в зеркало. Палец вроде бы зазоров не отыскал, но входящая с полным подносом соков Ксения удивленно вскинула брови, обе помощницы захихикали. Побагровев от обиды, он сказал зло:

– Вы, конечно, человек находчивый, что с нефтепромыслами, что с ваучерами, а что и с вашей консьержкой... Но, если хотите бегать с такими большими собаками, как мы, должны научиться писать на большие деревья. На самые большие.

Новодворский оглянулся, выискивая самое большое дерево, его взгляд скользнул по мне, а в глазах: ага, вон тот дуб самый дубоватый, но на провокацию не поддамся, под ветвями этого дуба прятаться еще полгода, пусть другие подрывают ему корни, я хоть другим не мешаю, но сам рыть не стану.

Сигуранцев встал из-за стола, со смаком потянулся, так что хрустнули косточки.

– Можно работать по-немецки, можно – по-японски, а я люблю по-русски: медленно, с перекурами.

Я напомнил строго:

– Демократ я или фашист, но курить – вон из здания. В смысле, за кремлевские стены. У нас тут здоровье берегут, не слышали?

Шандырин сказал словоохотливо:

– Если бы русские любили работать, они бы не назвали включатель выключателем.

– А как называете его вы? – спросил Забайкалец коварно.

Шандырин открыл рот, поперхнулся, беспомощно оглянулся на министров за подсказкой. Новодворский сказал медоточивым голосом:

– Лень простого русского человека – это не грех, а совершенно необходимое средство нейтрализации кипучей активности руководящих им дураков. Я не указываю пальцем... на портреты и статуи вождей, основавших Россию, но, согласитесь, где кончается асфальт – именно там начинается Россия, а во всех странах – наоборот!

Окунев произнес, ни к кому не обращаясь:

– Если в кране нет воды, значит – жива еще российская интеллигенция... Дмитрий Дмитриевич, а в самом деле, не прерваться ли на обед?

Я взглянул на часы, покачал головой:

– Рано. Вам, как сказал врач, есть вредно.

Окунев взглянул с укором:

– Дмитрий Дмитриевич, разве ж можно выдавать врачебные тайны? Я этого врача по судам затаскаю...

– Вас выдал не врач, – сказал я, – а собственное пузо. Ладно, вот вам вполне серьезно – президенты и вообще правители бывают двух видов: избранные, чтобы поменять мир, или, наоборот, чтобы удержать статус-кво. Избранные – это не только в результате голосования, я говорю вообще... Можно быть избранным временем, как Ленин, Мао, Лютер, Кромвель, или же Богом – как Моисей, Мухаммад, но все равно – они для перемен. Я же избран не временем и не Богом, а просто усталым, измученным и разочарованным в великих стройках наро-

дом, который теперь желает просто жить, существовать, довольствоваться простыми и простейшими радостями. Их почему-то называют человеческими, хотя понятно, насколько они человеческие...

Разговоры умолкли, к нам прислушивались, Сигуранцев даже чересчур внимательно, в глазах появилась настороженность, сидит все такой же прямой, смотрит чересчур вежливо.

– Странно, – обронил он, – что и вы это понимаете.

– Что именно?

– Что это животные страсти, а не человеческие.

– Почему странно? – переспросил я и покосился на остальных, они слушали вежливо, без настороженности, что ощущалась в Сигуранцеве.

– Ну, вы же народный президент! – пояснил он.

– А я избран народом, – пояснил я, – потому что очень хорошо понимаю его усталость и разочарование. Программы моих основных конкурентов мало отличались от моих собственных, я всего лишь лучше выстроил слова... За двадцать лет работы со студентами я привык к любой аудитории и могу заставить даже самого тупого что-то понять! Меня избрали за то, что я в самом деле самый типовой президент. Как типовые дома, от которых заранее знаешь, чего ожидать. Не люкс, зато и пол не провалится, как бывает в роскошных экспериментальных, что по индивидуальным проектам. Наша страна семьдесят лет строила единственную в мире экспериментальную систему, пол под нами рухнул... Теперь во всем ищем привычное, типовое, обкатанное в других странах. Мол, лучше идти за лидирующей группой, чем снова оказаться этим самым лидером.

Он кивнул, поморщившись:

– Вы это доверие оправдываете.

– Почему такой сарказм?

– Сами знаете, господин президент.

– Нет, не знаю. Поясните. Нам достались страна с жутко перекошенной экономикой и очень усталый разочарованный народ. В этих условиях можно только забиться в угол и зализывать раны. И ждать, когда они затянутся. На это нужно время.

Он проронил:

– Времени у нас нет.

– А на свершения нет сил, – возразил я. – Мы надорвались! Разве трудно понять, что надорваться может не только человек, но и целый народ?

Он смотрел в меня холодными злыми глазами.

– Знаю, вам не понравится сравнение, вы же из этих самых... но куда более надорванной была Германия после Первой мировой. И потери колоссальные, и экономика разрушена, и дух людской пал ниже пояса... Все предрекали, что Германия вообще никогда не поднимется! Никогда.

Я ответил так же холодно:

– Вы правы. Мне сравнение с той Германией не нравится.

– Гитлер тоже был избран, – напомнил он, – а не захватил власть, как у нас иные думают.

– Он избран был на волне патриотического угара, – отрезал я, – меня избрали для того, чтобы не допустил никаких волн. Никаких.

– Тишь да гладь?

– Да.

– Тишь да гладь лучше всего на кладбище.

Я поморщился:

– Не хочу тягаться с вами в поэтических метафорах. Итак, Андрей Казимирович, почему со строительством газопровода снова задержка? Что мешает?

Новодворский хохотнул, всем видом давая понять, что именно мешает, но хороший хирург может помочь, хотя преподаватели балетной школы и уверяют, что одно другому никак не мешает, даже если пользоваться блендамедом.

– Права человека, – буркнул Убийло.

– Что?

– Права, – повторил Убийло. – Человека!.. Это раньше работали в снег и метель, а сейчас не могу заставить людей выйти под дождь, а он длился две недели!.. Потом пошли праздники, тоже дурь, какие праздники да выходные в стране, где надо работать с утра до ночи?.. Так нет же, профсоюзы тормозят работу на каждом шагу. Я уж готов просить господина Сигуранцева поискать иностранных шпионов.

Он говорил саркастически, с полным презрением к силовым структурам, однако Сигуранцев лишь кивнул с самым хмурым видом.

– Не удивлюсь, – сказал он, – что так и есть. Только наивные думают, что шпионы охотятся лишь за военными секретами. Задержать на недельку ввод газопровода – это больше, чем испортить десяток танков.

Павлов что-то колдовал на своем ноутбуке, брови взлетали на середину лба, губы саркастически кривились, наконец он победно ткнул пальцем в клавишу ввода, взглядом указал мне на большой экран.

Я прервал начинающийся спор Сигуранцева с Убийло, кивнув в сторону засветившегося дисплея:

– Давайте посмотрим, что такое важное нарыл наш Глеб Борисович.

На экране крепкие полицейские, с головы до пят в бронедоспехах, выводили из здания мужчину в приличном костюме клерка средней руки. Руки завернули за спину, а голову нагибали так низко, что лица не разглядеть, но я уверен, что лицо у него самое заурядное. Мужчина вяло упирался, что-то выкрикивал, но его тащили мощно и целенаправленно, как могучие муравьи тащат мягкотелую гусеницу. Из полицейской машины высунулись руки, задержанного с силой втащили вовнутрь. Полицейские захлопнули дверцу, машина взревела и понеслась прочь.

Объектив поймал хорошенькую девушку с короткими иссиня-черными волосами. Широколицая, с узкими глазами, типичная японка, ну хоть сейчас на обложку «Плейбоя», она поднесла микрофон к губам и затараторила:

– Это уже двадцать седьмой случай в этом квартале за последние полгода, когда служащий начинает крушить даже мебель!.. Господин Мицумото, вы не скажете, с чем это связано?

На экране появился стареющий полицейский, даже не скажешь, что японец, настолько полицейский, года два до пенсии, хмуро взглянул в объектив, прорычал:

– Распустилась молодежь, распустилась!

– Но почему он это сделал? – спросила живо ведущая.

– Распустились, – повторил Мицумото. Открыл рот, намереваясь сказать что-то еще, но вспомнил, что до пенсии рукой подать, проглотил крепкие слова и добавил совсем другим тоном: – Но мы всегда соблюдаем процедуру задержания, ибо общечеловеческие ценности... гуманность и презру... презрапе... презлупенция... невинности... мы блюдем покой и спокой мирных ни в чем не повинных граждан...

Ведущая разочарованно отвернулась к другому:

– А что скажете вы?

Импозантный господин с несколько растерянным лицом что-то мямлил, я смотрел в экран, хотя мне, в отличие от Сигуранцева и Босенко, все предельно ясно. Еще в мою молодость психологи придумали блестящий трюк: в холлах крупных фирм и компаний ставили резиновые копии главных менеджеров и хозяев. Разъяренный служащий мог отвести душу, с наслаждением избивая копию обидевшего его босса. Помню первые репортажи, все отнеслись

как к веселой шутке, розыгрышу. Время от времени кто-то в самом деле подходил к резиновой кукле и тыкал в нее кулаком. Вокруг хохотали, хлопали в ладоши.

Потом... потом эти резиновые куклы все-таки начали получать свои порции ударов. Такая кукла находилась в холле, привлекая внимание как служащих, так и посетителей. Сначала они стояли годами. Потом начали изнашиваться за месяцы. В последний год такие копии приходится менять через каждые две недели, ибо служащие все чаще били не только кулаками и ногами, но кастетами, дубинками, пускали в ход ножи, велосипедные цепи, арматуру, описан случай даже с бензопилой.

Члены правительства смотрели с безразличным интересом, в глазах Новодворского я прочел, что на входе в Кремль хорошо бы поставить мою тушку, а еще лучше – положить, чтобы колесами, колесами...

Каганов спросил обеспокоенно:

– Что-то серьезное, Дмитрий Дмитриевич?

– Да, – ответил я. – Очень серьезное.

– Да что случилось?

Я указал на экран, там в черно-белом крутили заснятое камерой наблюдения. В помещение вошел человек, которого я видел под конвоем полицейских, двигался он все быстрее и быстрее, мелькнула в белых холеных руках служащего бейсбольная бита, резиновая кукла затряслась под градом бешеных ударов. Несколько человек, бывших в холле, ринулись врассыпную, явно он им что-то крикнул. На миг человек обернулся, я увидел стандартное, даже зауряднейшее лицо клерка, что сейчас искажено яростью. Губы двигались быстро, он что-то орал, выкрикивал, с силой наносил удары, кукла ходила ходуном, внезапно бейсбольная бита полетела в сторону, человек ухватил стул, ударил несколько раз по кукле, ножки сломались, он в ярости швырнул стул в окно, посыпались стекла, а стул вылетел на улицу. Но человек пришел в еще большую ярость, носился по всему помещению, переворачивал столы, горшки с цветами, срывал со стен плакаты, календари.

– Осатанел, – произнес Сигуранцев, мне почудилось в его холодном голосе сочувствие.

– С чего бы? – спросил я.

Он двинул плечами:

– Кто знает? Сатанеют от чего угодно. Люди-то современные! Это дикарю не от чего, а сейчас на каждом шагу злят... А что так заинтересовало господина президента?

Остальные тоже смотрели на меня с учтивым интересом. Не дело президента смотреть в телевизор, как старая бабка. У президента есть свои сверхсекретные каналы информации, недоступные другим, жри от пуза, неча из общей кормушки для простолюдинов.

Я проронил тихо:

– Осатанелость, как говорите вы. Или просто беспричинная раздражительность. Она просто носится в воздухе. Ею уже пропитывается, как бензином, весь мир. Не нравится мне это, очень не нравится.

– «Раскрыл я с тихим шорохом глаза страниц, – продекламировал Новодворский, – и потянуло порохом от всех границ...» Как удивительно точно ощутил поэт приближение Второй мировой... Жаль только, что скатился до принятия коммунистических ценностей, в то время как такие гиганты духа, как Ахматова, Цветаева, Пастернак и прочие настоящие поэты...

– Сейчас границы прозрачные, – возразил я. – Потому порохом пахнет вся поверхность планет, как будто сыпется с неба.

Сигуранцев обронил вежливо:

– А также гексоген, динамит, фугасы, автоматы Калашникова китайского производства...

Я вздохнул:

– Да, оружие стало очень доступно, а тут еще эта партия Полозова, что требует свободную продажу оружия населению! Ни в коем случае, ни в коем случае...

– Может быть, – предложил он, – против Полозова выдвинуть какое-нибудь обвинение? Я поморщился:

– Нет, мы живем в демократическом обществе и должны блюсти его принципы. Никаких липовых обвинений! Но на доводы о необходимости иметь дома личное оружие нужно найти удачные контрдоводы. Ладно, давайте не отвлекаться!

К обеду разобрались с поправками к закону о ввозе старых автомобилей, разработали план добычи нефти на шельфе Берингова пролива, появился Лисичкин, зам Башмета, только что с самолета, в Арабских Эмиратах договорился о поставке комплектующих и замене устаревших танков. Пока что это единственное, что удастся продавать, да и то начинают теснить такие смешные производители вооружения, как Норвегия и Китай. Выслушали его отчет, вечером разработали стратегию действий на пятилетку.

Я чувствовал, что с каждым днем все труднее продавливаться через крепнущую паутину. Страх и нежелание что-то делать в стране вообще скрываются за пышным занавесом псевдомудрых фраз о том, что надо-де все хорошо продумать, без негативных последствий, проследить все варианты развития, или, как теперь говорят напыщенно: проработать сценарии. На самом же деле основная масса тех, кто так говорит, занята раскрадыванием казны уже не для себя даже, а для родни, ближней и дальней, а то и просто по инерции, по инстинкту хапанья и уволокивания в нору, свою нору. К сожалению, в этом ловкие сволочи проявляют поистине чудеса изобретательности и экономической мудрости, а немногие честные идеалисты в моем правительстве – увы, слишком прямолинейны.

К концу дня я чувствовал себя так, словно меня дважды пропустили через камнедробилку. Болят все кости, тупо ноет в висках, в затылок время от времени тукает острый молоток, уже проломил кость, мозгу горячо, почти чувствую, как в месте ударов разливается кровь. Члены правительства, получив поручения, по одному исчезали, теперь на недельку по бабам да на отдых, а дела подождут, Ксения несколько раз меняла пустые чашки на полные, ноздри жадно ловят взбадривающий запах, но в желудке от этого кофе уже черным-черно, все изъедено, даже в боку колет, зато удастся продержаться до конца дня на ногах... фигурально, конечно, я почти не вытаскиваю задницу из мягкого оттеморройного кресла, солнце уже светит с другой стороны, и хотя летом дни длинные, но и они подходят к концу.

Ксения убирала пустые чашки, в кабинете остался еще Павлов, уходит не спешит, включил большой экран, отступил, посматривая на меня с сочувствием и некоторой обеспокоенностью. Плазменный дисплей сверкнул разноцветьем, возникли хорошо подобранные цвета, звездно-полосатые флаги сверху и по бокам, штатовский президент по пояс возвышается над трибуной из коричневого дерева под старину, говорит темпераментно, но внятно, просто, ведь американцы – очень даже простой народ, им надо все просто, проще, еще проще, еще, еще! Зато бросаются в глаза горящий взгляд, твердое лицо, выдвинутый подбородок. Вряд ли прямая передача, просто все выступления юсовского президента пишутся, как и основных лидеров, сейчас Павлов нарочито...

– Ну и что? – поинтересовался я.

– Послушайте, – попросил Павлов.

Ничего нового я не услышал, просто с каждым выступлением штатовский президент все энергичнее дает понять, что США не просто самая сильная в мире держава, но еще и сильнее всех остальных, взятых вместе. Нравится это миру или нет, но теперь он, мир, будет жить по правилам свободного мира, то есть тем правилам, которые считают единственно верными в США, колыбели и цитадели демократии. А кто попытается возражать или жить по своим правилам, то в США есть весь арсенал воздействия: от экономических мер до ковровой бомбежки, когда снаряды проникают на сотню метров, а на поверхности так и вовсе сносят все к чертовой матери на километры.

Новое в его речи разве что полное игнорирование союзников: ни разу не упомянуты ни НАТО, ни СЕАТО, ни СЕНТО. Теперь их мнение для США просто ничего не значит. Уже и Европа только сырьевой и людской придаток заокеанской империи, откуда перетекают лучшие мозги, технологии, изобретения, открытия.

Павлов сказал значительно:

– Он прав, юсовцы в самом деле сейчас сильнее всех стран, взятых вместе. Однако...
гм... в этом и есть серьезная ловушка! Заметили?

Я буркнул:

– Нам бы такие ловушки.

– Не скажите, – возразил он энергично. – Мы в такой были.

– Когда? Ах да...

– Из-за своей мощи, – объяснил он, как будто мне такое надо объяснять, – США стремительно теряют поддержку в том самом мире, которому навязывают свою волю! Классический пример – СССР. Пока он существовал, симпатии и вера в правильность действий США только нарастали. К моменту развала СССР в правоту США верили практически все в СССР, а это почти двести миллионов человек! Но сейчас в той же России едва ли найдется даже не миллион, а хотя бы тысяча человек, чтобы относились к США с той же симпатией. Так же меняется вектор и в других странах. Даже среди союзников, членов НАТО, и то...

Я отмахнулся.

– Пока солнце взойдет, роса глаза выест.

– Думаете, не продержимся?

– Надеюсь, – огрызнулся я. – Надеюсь, молюсь и всеми фибрами души стараюсь, чтобы нас не втянули ни в какую авантюру.

Он улыбнулся:

– Опасаетесь не сколько врагов, сколько друзей?

– Верно. Тех, кто подталкивает нас на участие в антитеррористических операциях по всему миру. Пока что бьют только по США, бьют... не скажу, что за дело, но хотя бы понятно почему. А так будут бить и по нас.

Он сказал почти покровительственно:

– Абсолютно верно, господин президент!

Он потирал ладони, улыбался, заряженный энергией, как лейденская банка, в его присутствии вот-вот начнут зажигаться лампочки, из принтера поползет лист с рапортом о готовности к работе, а в моем ядерном чемоданчике вспыхнет надпись с просьбой подтвердить приказ о запуске. Один из моих лучших учеников, он рано ушел на вольные хлеба, докторскую защитил левой ногой, одновременно занимаясь десятком других дел, разбрасываясь, отвлекаясь, забредая на заведомо тупиковые дороги, трижды женат и трижды разведен, но со всеми женами в хороших отношениях, здоров и силен, можно даже сказать, что он из породы деятелей, которые переворачивают мир, у него только один заметный минус – отсутствие честолюбия и чисто расейская инертность. Имей десятую долю его способностей немец, то с его усидчивостью сумел бы дослужиться до президента страны, испанец или итальянец стали бы президентами на своем темпераменте, француз – на бойкости, Павлов же точно и умело дает оценку событиям, ювелирно прогнозирует их развитие, а когда все сбывается, ему разве что кто-то скажет с удивлением: гляди, опять угадал! И Павлов остается довольным тем, что вот он опять прав, сумел предвидеть то, что не замечали ни президенты, ни целые прогностические институты.

Ессно, Павлов с немалым брюшком, которое совершенно не пытается скрыть или хотя бы втянуть, не посещает тренажеры, не прочь не просто выпить пивка, а и перепить, его интересы лежат исключительно в мозговой сфере, а на покрои костюма, солярии и прочую немужскую ерунду просто не обращает внимания. Удивительно еще то, что он единственный, кто не

вызывает у других чувства ревности или соперничества, хотя является самым приближенным к президенту человеком, то есть как бы обладающим огромной властью. Все уже убедились, что Павлов абсолютно не пользуется возможностями, не настроил себе и родне роскошных особняков, не наоткрывал счетов в швейцарских банках, а роль советника президента видит лишь в подсказывании тех вариантов политики, которые нужны самому президенту.

Изображение американского президента исчезло, побежали кадры разрушенных домов, потоки воды, плачущих людей, голос диктора сказал профессионально скорбно:

– Крупнейший за всю историю ураган обрушился на берег Нигерии! Разрушено семь приморских городов, погибло не менее двенадцати тысяч человек. Тридцать тысяч считаются пропавшими без вести. Стране нанесен огромный материальный и моральный ущерб, оппозиция сразу же объявила, что боги мстят за антинародный курс правительства, и призвала народ к сопротивлению. Начались уличные бои, армия выведена из казарм, генерал Кабуки взял власть в свои руки, но на юге страны генерал Ебару отказался признать власть Кабуки и объявил себя верховным правителем Нигерии. Начались бои с применением танков и тяжелой артиллерии...

Павлов заметил остро:

– Как будто лавина катится... Еще лет пять, ну десять, при известии о таких разрушениях весь мир бы бросился помогать, а эти Кабуки и Еб... как его, и не подумали бы драться за власть, когда в стране такое...

– Среди ночи, – продолжил голос, – на юге Германии вспыхнул крупнейший склад химических веществ концерна «Ютланд и К°». По сообщениям подоспевших пожарных, они видели тела убитой охраны. Серия мощных взрывов заставила отступить, пожар охватил площадь в сотни гектаров, где располагались мощные газгольдеры. Гигантские выбросы ядовитого газа заставили население в панике покинуть свои жилища, ветер отнес ядовитое облако в сторону соседнего города. К утру в городе остались единицы уцелевших...

– Нехило кто-то развлекается!

– Но соболезнование послать надо, – заметил я.

– Да, я прослежу... Тихо, это круто!

– ...серьезная катастрофа, – говорил голос, на экране проползали снятые с вертолета запруженные дороги, забитые автомобилями, бегущими из города, – произошла на германской атомной станции. В результате аварии, умышленной или случайной, реактор вышел из строя, в атмосферу выброшено радиоактивное облако, но от взрыва станцию удалось спасти. Ущерб от радиации превосходит чернобыльский.

– Так и надо, – сказал Павлов кровожадно.

– За что? – поинтересовался я.

Он пожал плечами:

– Не знаю. Наверное, потому, что не только нам хреново. Там же радовались, что у нас с Чернобылем, хоть и делали скорбные лица, соболезнования слали, даже грузовик со старыми вещами прислали, будто в насмешку... А теперь языки втянут в задницу. Зато французы будут говорить, что у немцев руки из жопы растут.

– Ну да, мы не одиноки, да?

– Да, – согласился Павлов. Добавил ехидно: – Дмитрий Дмитриевич, вам не тяжело все время быть демократом? Здесь же от подслушивания перекрыто?.. Никто не засечет, что мы... искренни?

Я подумал, кивнул:

– Ты прав, чувство радости есть, есть. Но все-таки подленькое чувство, верно?.. Если по большому счету, то чему радоваться? Ведь мы все – человеки. Один биологический вид.

– Который стал доминантным только благодаря дракам, войнам, истреблениям слабых, – подчеркнул Павлов. – А сейчас, когда эта тишь да гладь... вы не находите, что природа пытается спасти нас, Людей? Мы перестали воевать, спасаем даже безнадежных больных и уродов,

вот Нечто Высшее, это я чтобы не употребить слово «Бог», и посылает на землю то ураганы, то СПИД, то террористов... Если справимся с ними, еще что-нибудь придет, пострашнее, но чистку проведет обязательно!

Я покачал головой:

– Глеб Борисович, у вас чересчур образное мышление. Нет-нет, вам можно, мне, увы, нельзя.

Глава 4

Чазов, медлительный, осторожный, не медик давно уже, а величавый царедворец, присел рядом в кресло, на самый краешек, а потом, подумав, забрался поглубже. Ухоженное лицо излучало уверенность, а когда улыбнулся мне успокаивающе, во рту коротко блеснули идеально ровные крупные зубы с легкой желтизной: не стоит семидесятилетнему ставить себе зубы жемчужной белизны. А вот так, под цвет старой надежной слоновой кости, – в самый раз.

– И как себя чувствуем? – осведомился он. – Нет-нет, пока лежите!.. Придет сестра, посмотрим результаты. Если нужно, проведем добавочные... исследования.

Он не сказал «анализы», слишком много в этом слове от уколов, собирания мочи и говна, серые глаза смотрят уверенно и спокойно, мол, все в порядке, здесь Центр по особенностям здоровья Президента, здесь лучшая в мире аппаратура и лучшие врачи, я на это уверение опустил взгляд, чтобы он не прочел в моих глазах откровенное: если так, почему у тебя самого темные мешки под глазами, желтые белки и склеротические бляшки под кожей размером с тарелки? Не все медицина может, не ври...

Пришла не сестра, да я и не ждал молоденькую вертлявую девочку, что в больницах ошибаются только до тех пор, пока не выскочат замуж. Солидный мужик профессорского вида, наверняка тоже академик, протянул Чазову бумаги, на меня лишь покосился неприязненно, явно не мой избиратель, сказал хмуро:

– Не нравится мне вот это несоответствие... И вот это.

Он указал пальцем. Чазов всмотрелся, кивнул:

– Да, странно. А как вам это?

Он тоже указал пальцем. Мужик, похожий на академика, буркнул:

– И это не нравится.

– А вот это?

– Здесь вообще запущено... Будем резать сегодня? Ампутировать, в смысле?

Моя кожа покрылась липким потом, Чазов прогудел, не отрывая глаз от бумаги:

– Дмитрий Дмитриевич, не волнуйтесь вы так, а то у нас приборы зашкаливает... Это у Константина Михайловича такие шуточки.

– Хороши у вас шуточки, – ответил я нервно.

– Это значит, – проговорил Чазов, взгляд его все еще бегал по бумаге, возвращался, брови сдвинулись на переносице, – что у вас... все нормально... сравнительно. Иначе уважаемый Константин Михайлович так шутить не стал бы.

Я проследил за его взглядом, лицо Чазова очень серьезное, поинтересовался:

– Сравнительно с чем?

– Да так, – ответил Чазов, – так просто... некоторые параметры у вас таковы, что хоть сейчас в космос. Другие... тоже неплохо, неплохо. Люди помоложе вас хотели бы иметь такие данные.... Гм...

– Но что не так? – спросил я.

Он наконец оторвал взгляд от бумаги, глаза оставались очень серьезными.

– Дмитрий Дмитриевич, – спросил он, – вы никогда не баловались шахидизмом?

– Чем-чем?

– Я имею в виду, не любите ли вы время от времени надевать пояс шахида и, накинув сверху просторную рубашку, разгуливать по улицам, помещениям, заходить в людные места...

Я покачал головой, переспросил:

– У меня что, такое состояние?

– Да, – ответил он лаконично. – Как будто этот пояс все еще на вас. Но шахиды надевают его на короткое время. Им нужно дойти до цели, а там рвануть за взрыватель. А вы... ощущение такое, что живете в таком поясе. А это уже наложило отпечаток.

Я вспомнил старое изречение, сказал с иронией:

– Все болезни от нервов?

Он кивнул:

– Даже триппер, вопреки молве, тоже частично от нервов. Здоровый человек иммунен и к трипперу, и даже к сифилису. Даже к СПИДу. У вас нервы очень крепкие, просто железные!.. Вы продержались очень долго, но вашу железность уже крепко подточили. Данные обследования показывают, что в вас бьются смертным боем две, а то и три силы. Вы – всего лишь здание, где они бьются. Видели эти боевички, где парни в черных шляпах обязательно выбирают какой-нибудь заброшенный заводик, и начинается крутая разборка с парнями в белых шляпах?.. Везде свистят пули, высекая искры, потом стрельба из гранатометов, что пробивают в стенах огромные дыры, а в конце кто-то бросает зажигательную гранату... такие бывают?.. в цистерну с бензином. Грохот, столб огня, похожий на атомный взрыв, все здание разносит в куски...

Я смолчал, понимая, что какая там цистерна с бензином, во мне их целый состав, Чазов смотрит с мягкой укоризной, тоже понимает, что я не приму совет плюнуть на все президентство и пойти на всю оставшуюся жизнь ловить рыбу удочкой, иначе, мол, останется мне этой жизни с гулькин нос.

– И как близко, – спросил я, – парень к цистерне?

– Близко, – ответил Чазов. – Вы всегда требовали полной откровенности, так вот он уже замахнулся. Не знаю, когда бросит... но бросит.

Я подумал, прислушался к себе.

– И что советуете?

Он вздохнул:

– Дмитрий Дмитриевич, медицина не всесильна. Мы ничего не можем... сейчас. В смысле, предотвратить. Через недельку или через месяц, никто не знает, вас разобьет жесточайший инсульт или инфаркт. Или оба вместе. А то и что-нибудь третье в придачу, у вас проблемы с печенью и почками. Вот тогда мы и набросимся, начнем лечить, спасать, реанимировать, восстанавливать. Уровень современной медицины таков, что сумеем вас вытянуть из... бездны, откуда не возвращаются. Правда, на президентствовании придется поставить крест, но сколько даже молодых парней ведет тихую спокойную жизнь, будто уже пенсионеры?

– Спасибо, – сказал я саркастически. – Утешили.

Он сказал очень серьезно:

– Дмитрий Дмитриевич, все равно это жизнь! Даже в инвалидной коляске – жизнь, так что не зарекайтесь. И не отмахивайтесь.

Я знаю, что достиг очень многого. Кто-то полагает, что вообще достиг вершины, ведь выше президента не прыгнешь, хотя это фигня на постном масле. Любой крупный ученый выше президента, хотя бы потому, что не бывает вице-ученых или экс-ученых. Но и как ученый я достиг многого лишь потому, что другие вообще только дурью маялись. Нет, это называется по-другому: отдыхали, расслаблялись, кайфовали, балдели, оттягивались, а я все-таки хоть иногда да учился, работал...

Стыдно вспомнить, как я чуть не каждый месяц расписывал на листке полный режим дня, куда включал, в котором часу встаю по будильнику, сколько минут на туалет и чистку зубов, затем – зарядка, подробно перечень упражнений, способных из меня за месяц сделать Шварценеггера... помню зуд и страстное желание включить и это упражнение, и это, и вот это, что обещает выпуклые мышцы спины, и это, что раздвинет плечи... понятно, что в режиме дня находятся обязательные часы для изучения иностранных языков, если бы в самом деле следо-

вал режиму, сейчас говорил бы на сорока языках... Эх, почему постоянно срывался, не выдерживал, отвлекался, почему для гантелей времени не находилось, но вот на пьянки, гулянки, доступных баб...

Сейчас могу сказать почему. Потому что режим писал для себя и следить за исполнением назначал себя. Это к другим могу быть требовательным, а сам с собой всегда могу договориться, увильнуть, а вместо качания мышц могу пойти к пивному ларьку, а потом к доступной всему двору Верке. А вот если бы и за выполнением распорядка дня следил школьный учитель, как следил за посещением школы, я бы сейчас заткнул за пояс семерых Эйнштейнов и трех Камю. И Шварценеггера заломал бы, как медведь зайца. Причем держа под мышкой Сталлоне с Ван Даммом...

После двух таблеток анальгина в черепе тяжелый грохот молотов сменился стуком простых слесарных молотков, а две чашки крепкого кофе заставили усталое сердце сокращаться чаще. Ксения укоризненно качала головой, сейчас есть таблетки куда лучше, но я консерватор, а лучшее – враг хорошего, улыбнулся ей:

- На сегодня все. Если что срочное, мой телефон знаешь.
- Хорошо, господин президент. Вы в Кремле?
- Нет... наверное, нет.

В ее глазах мелькнула тревога, моя квартира в довольно оживленном районе, там охранять меня – головная боль спецслужб. Но там жена, которая упорно не желает переселяться в Кремль, там мои друзья по университету, с которыми сдружился за двадцать лет преподавательской деятельности.

- Зря вы так, – осмелилась она заметить, – больно беспокойные времена.
- Ничего, – ответил я легко, – быть мишенью – профессиональный риск президентов.

В машине я ощутил себя лучше, свежий чистый воздух, высокая скорость, и хотя в наглухо задраенной коробке воздух генерирует сложная система, но мелькающие по обе стороны дома заставили сердце стучать чаще, кровь донесла кислород наконец-то и до мозга, боль отступила, я ощутил себя лучше, сразу вспомнил, что в кабинете осталась куча срочных дел, но автомобиль уже вырулил на Рублевское шоссе, все набирал и набирал скорость, только впереди и позади неслись темные, похожие на торпеды машины сопровождения да похожие на средневековых рыцарей мотоциклисты.

Слева начала обходить черная, как ночь, «Волга», стекла тонированные до космической тьмы, стремительные обводы. Мой шофер не притормаживал, но машина обошла с легкостью, а когда мы оказались впереди, я невольно отметил, что номер у нее тот же, что и на моей. Это называется каруселькой, когда несколько одинаковых лимузинов меняются местами, на случай если кто-то успел сказать, что президент едет по этому шоссе во второй машине.

Я посматривал в окно, в пульсирующую болью голову пришла мысль, обдумал неспешно, сказал:

- Геннадий, на втором повороте сверни.
- Шофер не удивился, только спросил коротко:
- К Карелину?
- Все-то знаешь, – сказал я. – Расстреливать пора.

Он широко улыбнулся:

- Не получится!
- Почему?
- Вы ж демократ, Дмитрий Дмитриевич! Для вас презумпция невинности – все.

Как и многие из окружения моих служб, «демократ» он произнес так, что ясно слышится «дерьмократ», простые люди презирают мягкотелую интеллигенцию, им бы видеть трон, а на нем царя, и не обязательно царя-батюшку, в народе как раз наибольшим уважением пользовались деспоты вроде Ивана Грозного да Петра Великого, а от времен Петра из всей череды

царей и генсеков по-прежнему чтут только Сталина, к остальным отношение презрительное, насмешливое, даже анекдоты оплеывающие, в то время как о Сталине нет ни одного – ни одного! – неуважительного анекдота.

Березовая роща сдвинулась, открылся зеленый простор, дальше стена темного леса, и там, наполовину утопая среди высоких деревьев, – блистающий белым камнем особняк, двухэтажный, барски просторный, с мансардой и пристройками, отсюда праздничный, как игрушка, а когда подъехали ближе, ощущение праздничности только усилилось: перед домом изумрудно-зеленая трава, коротко постриженная, молодая, энергичная, веселая, два огромных дерева с просторным столом в тени ветвей, четыре легких кресла...

Мы приблизились к воротам вплотную, те дрогнули и раздвинулись. Шофер засмеялся:

– То ли ждут вас, Дмитрий Дмитриевич, то ли у вас здесь постоянный допуск!

– Хотелось бы иметь постоянный, – ответил я.

Он осторожно повел машину по узкой дорожке в сторону дома.

– А что, могут не дать?

– Генрих Артемович всегда строг, – пояснил я. – Для него я все еще ученик. А какую должность занимаю, ему до старой дискеты.

У крыльца остановились, шофер вышел и открыл дверцу. Я выбрался, с удовольствием вдохнул. Здесь воздух, чистый и свежий, а там, откуда мы прибыли, всего-навсего пригодная для дыхания смесь атмосферы с выхлопными газами.

Двери распахнулись, Карелин вышел в легкой рубашке, расстегнутой до пояса, и без того короткие рукава закачены донекуда, но блестящие на солнце темные плечи выглядят здоровыми, сильными. Мощная поросль седых волос на груди заставила бы гориллу зарычать от зависти. Карелин улыбался, шутился, хотя солнце уже заходит, явно сидел в полутьме перед компом. Это знакомо, когда садишься днем, а потом постепенно темнеет, темнеет, уже и клавиатуру не видишь, но встать зажечь лампу лень...

– Здравствуй, Генрих Артемович, – сказал я церемонно. – Как здоровье Лины Алексеевны?

Он отмахнулся:

– Поливает цветы. Прочла в журнале, что поливать можно только на заходе солнца.

– Вот так все еще узнаем новое...

Мы не стали обмениваться рукопожатием, да и никогда не обменивались, он уже был профессором, когда я зеленым аспирантом пришел к нему на кафедру, сейчас он покровительственно обнял меня за плечи, с его ростом это запросто, повел меня в прохладу холла. Я оглянулся:

– А как насчет посидеть за тем столом?

Он остановился, в глазах понимание и сочувствие.

– Что, насиделся в кабинете?

– Еще как.

– Тогда на веранду? Там солнце только с утра.

Иногда, сбиваясь, он обращается ко мне на «ты», ведь я его ученик, его аспирант, тут же спохватываясь, все-таки в гостях президент страны, переходил на вежливое «вы», но в остальном оставался все тем же добродушным мэтром, крупнейшим геополитиком, в те давние времена и названия такого не существовало, а геополитиком он уже был, публиковал работы, подвергался гонениям, но эти же работы приносили с Запада огромные по тем временам гонорары, эти хоромы построил еще на закате Советской власти, здесь и жил, выезжая на кафедру только в случае крайней необходимости.

Худой, жилистый, родом из бедной семьи, вынужденный с раннего детства трудиться с утра и до ночи, он пронес эту привычку через всю жизнь и сейчас, в свои семьдесят пять,

уже обеспеченный выше крыши, увенчанный званиями и должностями, оставался таким же трудоголиком, как и в молодости. Лицо его, обтянутое сухой кожей, почти без морщин, глаза горят, как факелы, иногда мне казалось, что внутри Генриха Артемовича полыхает светильник, слышен даже запах не то сандала, не то еще чего-то пахучего, древнего, надежного.

Солнце соскользнуло с моих плеч, воздух сразу показался прохладнее и свежее, будто здесь в тени совсем другой состав. Карелин опустился в кресло, оно жалобно пискнуло под его громадным весом.

Из-за дома торопливо вышла цветущая женщина в ярком цветном сарафане. Закатное солнце блестело на оголенных плечах, гладких, как яйца динозавров, такие же солнечные зайчики отражались от широкого улыбающегося лица. Она торопилась в нашу сторону, руки спешно комкают передник, по самые локти в зеленоватых брызгах, Лина Алексеевна не только поливала, но, похоже, и воевала с сорняками. На мгновение она скрылась в пристройке, а через пару минут уже поднималась к нам на веранду с плетеной корзинкой в руках, черноволосая, с сильной проседью, с черными бровями вразлет и блестящими трагическими глазами. Над ее головой порхали две красные с коричневым бабочки. Двигалась она легко, как Анна Каренина, имея такое же пышное тело, а дерзкой яркой внешностью напомнила цыганок, но не базарных, а вольных, таборных, которых знаем только по фильмам и операм.

Грудь ее, полная, как дыни, все еще ухитрялись держать форму, да и в поясе все еще хороша, дивный такой контраст: пышные груди, тонкая талия и мощные бедра. Карелин перехватил мой взгляд, вздохнул:

– Нашла для себя такую дурь, как сад и огород, но меня грядки не волнуют, а на тренажерах себя, такого дорогого и любимого, изнурять – ленив, ленив...

Лина Алексеевна улыбнулась мне, поставила на середину стола корзинку, доверху полную отборной клубники. Пошел сильный зовущий запах, я втянул ноздрями воздух, перед глазами пронеслось полосатое тело тигра с крылышками, а со стороны сада прилетела еще бабочка. Лина Алексеевна смотрела веселыми глазами хозяйки, у которой есть все и есть чем похвастаться.

– Дмитрий Дмитриевич, – сказала она певуче, – простите, замешкалась! Это такая зараза, собираешься полить один цветочек, а не успеешь опомниться, как уже ночь, а то и утро...

– А весь сад перепахан, – усмехнулся Карелин. – Лина, принеси нам, пожалуйста, холодного узвару.

Она сказала обиженно:

– А поужинать?

Карелин взглянул на меня вопросительно. Я хотел привычно отказаться, последние пару лет вообще ем через силу, надо есть, вот и ем, всякие там витамины, углеводы и белки, но в животе как будто ощутилось пустое место, я прислушался, сказал нерешительно:

– Почему нет? Но только самую малость.

– Ничего, – сказал Карелин, – теперь Лина завела поросенка.

– Правда?

– Такой хорошенький, – сказал Карелин. – И смысленный... Веселый, все играть хочет.

– Резать будете? – спросил я кровожадно.

Он покачал головой:

– Как можно? Он теперь наш любимец. Взяли, чтобы доедал... после гостей, а теперь самому готовим отдельные блюда. По книжечке.

Он захохотал, зубы крепкие, крупные, и сам здоровый, крепкий, я ощутил зависть, он старше меня лет на пятнадцать, но я уже весь тухлый, а он и жену молодую завел, и на лыжах зимой бежит, в озере до первого снега купается...

Тихое очарование струилось в густом, теплом, как парное молоко, воздухе. Над головами тяжело гудели, как старинные бомбовозы, коричневые жуки. Толстые, как шмели, даже толще,

тускло отсвечивают металлом, не летят, а плывут неспешно, рев их моторов доносится басовитый, успокаивающий. Один пилот, засмотревшись на богатый стол внизу, врезался в ветку, рухнул тяжело, но – до чего же гравитация несправедлива к людям! – ударился с вроде бы такой силой, что должен был в лепешку, но лишь дважды подпрыгнул и остался на выпуклой спине, растерянно дрыгая в воздухе крючковатыми лапами.

Я придвинул палец, намереваясь помочь перевернуться, Карелин сказал участливо:

– Пусть сперва придет в себя. Ишь, шарахнулся, бедолага...

Бедолага, убедившись, что размахивает лапами зря, воздух хоть и поплотнее, чем для нас, людей, но все же рвется, с усилием принялся раздвигать металлические полусферы, царапал ими стол. В щели высовывались тончайшие крылья, вибрировали, хруст крутился по спине, но чудовищным весом не давал крылышкам высунуться больше. Его закружило сильнее, началось, наконец бросило на бок, тяжело перевернулся и встал на ноги, похожий на металлическую черепаху с выдвигающимися артиллерийскими орудиями. Крылья тут же исчезли под блестящим металлом, он поводил головой с блестящими слюдяными глазами, вздрогнул, увидя нас, готовых броситься на него и съесть, торопливо приподнял защитные полусферы, крылья выплеснулись до бесстыдности нежно-розовые, непристойные для такого мужественного жука, я успел увидеть, как быстро-быстро завибрировали. Жука подняло и понесло по длинной дуге вверх.

Нежно угасает вечерняя заря, небо приняло густой синий цвет, волнующий, насыщенный, огромный багровый шар уже просел за далекий темный лес.

Лина Алексеевна принесла кувшин с узваром, красивые расписные чаши. Пока мы с Карелиным пили, наслаждаясь холодным напитком, Лина Алексеевна снова смоталась в дом, крупная, под стать Карелину, но ловкая и быстрая, вскоре на столе появились в широкой плетеной вазе груши янтарного цвета, краснощекие яблоки, гроздья темного винограда, на соседнем блюде вкусно пахнет горка ягод, даже с виду чувствуешь ее нежность и сладость, земляника, черника, брусника. Не все, конечно, из своего сада, груши и клубника из разных месяцев, но что-то, ясно, и свое, выращенное своими руками. Я вообще-то не понимаю, как может академик гордиться тем, что умеет сам сколотить табуретку или перекрыть крышу, в этом какая-то завуалированная трусость ухода от более сложной работы, но сейчас я сам стараюсь отключить мозги, просто отдаться покою и незамутненному счастью а-ля дзен или там хунь-сунь.

– Ну и как вам, дорогой Дмитрий Дмитриевич, вторая половина президентства? – поинтересовался Карелин.

Я вздохнул, возвращаясь в этот реальный мир, но не желая возвращаться полностью, а так: вынырнул чуть и снова обратно в покой:

– И легче... и труднее.

Он проговорил с сокрушенностью в голосе:

– Эх, восемь лет выброшено из науки! Хорошо, что президентство ограничено двумя сроками.

Я отмахнулся:

– На третий срок меня все равно бы не выбрали. Рейтинг падает.

– Вас это тревожит?

В голосе лукавство, я ответил откровенно:

– Если честно, досада берет. Немножко, но берет. Самую малость. Все-таки ни на йоту не отступил от тех принципов, которых придерживался. Но то, за что меня избрали семь лет назад, сейчас уже чуть ли не ставят в вину. Ладно, протерплю полгода... А потом бы снова на кафедру. Возьмете?

Он усмехнулся, рассматривал меня с живейшим интересом.

– Странно, а ведь вы, Дмитрий Дмитриевич, в самом деле не меняетесь. Такая огромная власть, а все такой же... Конечно, возьму. И не только потому, что в моем штате окажется

президент страны, пусть даже бывший, но благополучно правивший два срока. На вас, как на блестящего ученого, делал ставку не только я. Очень надеюсь, что у вас еще хватит сил...

Я сказал с удовольствием:

– Хватит? Да я их копил все эти семь лет!.. На президентстве работал совсем другой половинкой мозга. Если мозга, конечно. Не поверите, но даже делал кое-какие наброски. Оформились две очень интересные гипотезы, пора переводить в теории, вот только текучка заедала. Да и как-то неловко президенту заниматься наукой.

– Скажут, – согласился он, – страну забросил, в бирюльки играет.

– Что-то в этом роде.

– А что, – спросил он словно невзначай, чтобы я в любой момент мог отделаться ничего не значащей фразой или перевести разговор на другое, – трудности бывают и у президентов? Как я слыхивал, у правителей более точная информация, чем та, которую добывают газетчики?

– Естественно, – ответил я спокойно, – девяносто пять процентов всякой важной информации газетчикам подбрасывается именно из этих источников.

– А остальные пять?

– Четыре – высасывают из пальца, один – добывают сами. Да, собственно, мы, президенты, в плане информированности мало чем отличаемся от простого слесаря перед телевизором. Разница в том, что эту же информацию получаем чуточку раньше. Иногда – полнее. Во всяком случае, всегда по желанию можно лично для себя что-то уточнить, узнать больше, оподробнить.

Он взял виноградную гроздь, сквозь тонкую шкурку ягод просвечивали темные зерна, похожие на свернувшихся в утробе зародышей. Карелин отрывал по одной, бросал в рот. Природа это не просто предусмотрела, но и сама спровоцировала неразумное животное съесть, для этого семена обернула сладостью, а сами зерна упаковала в кремниевую оболочку, которой никакой желудочный сок не страшен. Так что глупое животное должно, по хитроумному замыслу винограда, отнести зерна далеко от места, где сожрало приманку, а там выложить их... в хорошо подготовленном месте.

А я политик, подумал я внезапно. Сравнения у меня еще те, да и спокойно так представляю вещи, от которых меня до президентства просто бы передернуло. Циничнее стал или толстокожее?

– А сейчас какая проблема самая серьезная?

– Сейчас – привлечение инвестиций. Помните, когда началась перестройка, всех страшила мысль, что иностранцы ринутся в Россию и поспешно все скупят?.. Уже тогда всячески отгораживались, строили барьеры. Оказалось же, что никто сюда не рвется, заводы и земли наши никто не то что покупать, даром не желает... Но это, так сказать, проблема едва ли не вечная. Хоть и на первом плане. На втором же, увы, хоть и менее острая, но растущая с угрожающей быстротой и неотвратимостью...

Я вздохнул, горло внезапно перехватило.

– Вы побледнели, – сказал он встревоженно.

Я вяло отмахнулся:

– Это я так... Внезапно представил, а что, мол, если эта проблема выйдет на первое место еще при моем сроке правления? Глупость, конечно.

– Что именно, Дмитрий Дмитриевич?

– Национализм, – сказал я. – Хотя на самом деле никакой не национализм, это я брякнул так, по дурости и по накатанной дорожке. Все так брякают, а я ж всенародно избранный, вот и тоже... как народ. Это не шовинизм или фашизм, как любят выкрикивать дешевые попугайчики, у которых своих голов нет, это не тоталитаризм... слов таких еще не придумано!.. Словом, в мире стремительно нарастает раздражение. Чем оно вызвано? Возможно, перенаселением. Всем стало тесно. Возможно, всем, даже в вечно голодной Африке, хватает жрать, пить,

и теперь можно поднять морду от корыта и попробовать отодвинуть соседа. И отодвигают. Столкновениями на границах, межэтническими конфликтами, межрелигиозными, а то и вовсе надуманными, из-за которых раньше не обменялись бы даже нотами. Всюду пахнет порохом, всюду взрываются бомбы, падают самолеты, сходят с рельс поезда, а люди, разделившись на синих и лиловых, режут друг друга с таким ожесточением, словно разделились на красных и белых.

Он кивал, глаза загадочно мерцали.

– В мире – да, знаю. А что в нашей России?

Я развел руками:

– Кроме уже перечисленной нехватки инвестиций, упадка экономики, наркомании, алкоголизма, сокращения срока жизни, резкого падения рождаемости, роста преступности, изношенности баллистических ракет... можно перечислять еще и еще долго, добавилось переселение различных этнических групп из-за рубежа. На Дальнем Востоке уже существуют диаспоры корейцев, вьетнамцев и китайцев, в Ставропольском крае – турки-месхетинцы, в Ростовской – армяне, но сейчас заговорили о кобызах, что устроили просто настоящий демографический взрыв в Рязанской области. В то время как у коренных жителей не больше одного ребенка, что ведет, как понимаете, к сокращению местного населения вдвое, у кобызов в среднем восьмеро детей на семью! Такой прирост понятен в Средневековье, когда целые страны выкашивали то войны, то эпидемии, но при нынешнем уровне медицины они выживут все или почти все. По уверению наших доморощенных умников, что понимают только простую экстраполяцию, через сто или двести лет все материки будут заселены кобызами, а через тысячу лет ими будет заполнено и все морское дно, а океаны выйдут из берегов!

Я говорил зло, саркастически, приглашая Карелина посмеяться над страхами неграмотных придурков, но на душе скребли кошки.

Карелин кивнул, сказал благожелательно:

– Да вы не взвинчивайте себя, не взвинчивайте. Теперь вижу, непросто далась вам эта работа. Нервы-то поистрепала... Понятно же, что такой демографический взрыв наблюдается только в первом поколении. Но уже второе поколение, я говорю о детях, родившихся в этой стране и впитавших дух благополучия... сравнительного благополучия, уже не станет вот так обростать детьми. У богатых упор делается не на количество детей... мол, хоть кто-то да выживет!.. а на качество. Ведь уверены же, что выживет, так что надо все усилия бросить на подготовку ребенка, чтобы занял подобающее место...

Голос его журчал, снимая напряжение, сведенная судорогой грудь распустила мышцы. Я глубоко вздохнул.

– Простите. В самом деле, сам себя завожу...

– Да нет, – проговорил он, – проблема в самом деле есть, но не столь уж проблемна. А если в некоем аспекте и трагична, то все-таки решаемая. Это мы сами загоняем себя в такие узкие рамки, что решения просто нет. Нет, и все! Но человек, если его припрут рогатиной к стене, всегда найдет путь к спасению.

– Не вижу, – ответил я убито.

– Значит, – сказал он почти ласково, – еще не приперли. Отдыхайте... и, как ныне говорят, расслабляйтесь.

Я горько усмехнулся, наткнулся на его понимающий взгляд, кисло скривил рот. Обиходные бранные слова «распущенный», «распутство», «распустился» – сперва вывели из употребления, а затем через некоторое время подобрали им синоним – «расслабиться». Сейчас, предлагая кому-то потрахаться, говорят о необходимости расслабления, снятии стресса и прочих сегодняшних эвфемизмах. А женщина, томно закатывая глаза, говорит проникновенно: «Я хочу тебе помочь», и начинает расстегивать герою брюки.

Это «расслабиться» и «побалдеть» не ново, еще римский плебс требовал *panem at circenses*, учиться и работать не желал, для работы у богатого Рима находились лимитчики из Украины и других бедных провинций, что берутся за любую работу, а потом выбиваются на высокие должности, к вящей зависти урожденных и потомственных римлян, коренных, что по праву рождения хотят жить на сдаче московских квартир внаем бедным варварам из Украины, но чтоб эти варвары там и оставались, а не становились хозяевами не только всего дома, затем городского квартала, но и всей страны, как случается с регулярной неизбежностью.

– Красиво у вас, – произнес я.

Отсюда вид на закат солнца открывался, как будто мы сидим в королевской ложе, а солнце заходит на распахнутой специально для нас исполинской сцене.

Глава 5

И не только дивный закат, весь сад – как произведение искусства, слишком неправдоподобно красив и ухожен, чтобы быть настоящим: с изумительно яркой зеленью, извилистыми дорожками с золотым песком, а там дальше победно горят пурпуром, кумачом и всеми оттенками красного цвета клумбы с огромными ухоженными розами.

Карелин заметил, как я смотрю неотрывно, медленно поднялся, закричал:

– Нравится? Сам сажал!.. Пойдемте, похвастаюсь.

– Император Диоклетиан, – сказал я, – выращивал капусту. И в первую очередь вел гостей хвастаться.

– Я веду не в первую очередь, – ответил он сердито. – Кроме того, у Диоклетиана была жена с такой изумительной фигурой, что велел являться на пиры только голой. Она сперва стеснялась, потом привыкла... Но моя, боюсь, не привыкнет. Провинциалка!

Я покосился удивленно, неужели полагает, что у его Лины Алексеевны хорошая фигура, в это время повеяло сильным и одновременно изящным запахом, я не думал, что сильное может быть изящным, мощная стена здания уплыла в сторону, взгляду открылось упавшее на землю закатное небо. Я даже различил среди деревьев пылающие облака, горят неистовым пурпуром клумбы, а само пылающее багровое солнце в самом центре сада – огромное, неистовое, от его насыщенного цвета сердце забилося чаще, а когда ноздри уловили запах, я ощутил себя полным сил и бодрости, словно вскочил утром хорошо выспавшийся и уже выпил крепкий утренний кофе.

Он поднялся, обошел стол.

– Ты пока сиди, я помою руки.

Вежливый эвфемизм, означающий сходить пописать, ведь в его возрасте проблемы с предстательной должны быть покруче, чем в моем, хотя и меня это не миновало, а это значит, что в туалет приходится ходить чаще обычного, а просиживать там впятеро дольше. Я проводил его взглядом, дверь не успела закрыться, как с другой стороны выплыла улыбающаяся Лина Алексеевна, она улыбается всегда, но ей это идет, и хотя улыбающаяся женщина чаще всего похожа на дурочку, чем нам они и нравятся, однако Лина Алексеевна действительно улыбается хорошо.

В ее руках корзина с виноградом, водрузила на середину стола, я помог освободить место. Крупные груди величаво колышутся под тонкой тканью сарафана, от ее сочного тела веет теплым парным молоком.

– Хорошо у вас, – сказал я.

Она пожаловалась:

– Сад хорош, но сорняки совсем замучили!.. Ничто их не берет, никакие гербициды, пестициды, вегабои, травоциты!.. Что я только не делаю!

Я огляделся, сказал с удивлением:

– Но у вас чисто, ухоженно. Не вижу ни одного сорняка.

– Еще бы увидели, – возразила она сварливо. – Я уже так привыкла передвигаться по саду в позе римлянина, завязывающего сандалии, что, боюсь, как-нибудь и в Москве так выйду на улицу. Я сама, сама выдергиваю их!

Она показала мне пальцы, красивые нежные пальцы белошвейки, огрубевшие от постоянного соприкосновения с жесткой травой.

– Никакие кремы не успевают размягчать, – пожаловалась она. – Только зимой и вижу руки без царапин.

– Почему не поручить садовнику? – предложил я. – В соседней деревне много безработных.

Она отмахнулась с полной безнадежностью:

– Мужчины ничего не понимают, а женщины... Только эти бесстыдницы появляются в саду, как мой усаживается на веранде. Я не понимаю эту моду ходить без трусиков, это же не Средневековье, когда трусиков еще не знали! Нет уж, лучше я сама так похожу. Заодно и душа спокойна, что ни одного стебля не осталось. А то одну травинку упустишь, а потом глядишь – целый пучок. Как они так быстро, не понимаю!..

– Живучие, – согласился я. – Им для жизни требуется меньше условий, вот на благоприятной земле и размножаются стремительно...

– Прямо с бешеной скоростью!

Карелин вышел из туалета, бодрый и освеженный. Капли воды блестят на ресницах. Не похоже, что у него проблемы с предстательной, в самом деле зашел помыть липкие руки и сполоснуть потное от жары лицо. А вот мне и руки помыть не помешало бы, и мочевого пузыря опорожнить...

Я посмотрел на липкие от сока пальцы, смерил взглядом расстояние до дверей туалета, вспомнил, что Ричард Львиное Сердце вообще никогда в жизни не мыл руки, поднялся навстречу Карелину, заметил:

– А вот Лина Алексеевна жалуется.

– В чем?

– Сорняки истребляете плохо, – сказал я с улыбкой.

Он хмыкнул, взгляд скользил по горизонту с застывшими рваными облаками, а когда заговорил, голос показался очень серьезным и даже печальным. Мне показалось в нем даже некоторое удивление:

– Да я воевал с ними, воевал... Только мы, мужчины, гибче. Женщина уж если станет на какой путь, так и прет, как танк. Мы же, обвиняя их в непостоянстве, сами то и дело переходим с дороги на дорогу, а то и на тропку, иной раз вообще предпочитаем ломиться через дебри, мол, протоптанными дорогами пусть ходят женщины, дети и дураки... Как-то выпалывал бездумно, голова забита какой-то высокомудрой ерундой, а тут заметил у забора... нечто. Да, нечто не предусмотренное моей мудрой политикой разбиения сада. Хочешь, покажу?

– Да, конечно!

По обе стороны тропки поплыли ухоженные кусты роз, над ними крупные бабочки, слышно, как мягко-мягко шелестят крыльями. Высокий бетонный забор приближался, кусты с розами остановились и ушли за спину. Вдоль забора дорожка, достаточно широкая, чтобы по ней могли пройти двое, мирно беседуя и не прижимаясь друг к другу, дорожка вплотную к забору, но в одном месте отыскалась щелочка не шире копыта, из этой щели торчит мясистый и весь в острых колючках стебель. Темно-зеленые листья жадно ловят солнечные лучи, те достигают этого уголка только перед закатом солнца, остальное время здесь густая тень от бетонного забора.

На кончике высокого стебля горит богатым малиновым огнем яркий цветок, запах обалденный, розы так не пахнут, у них не запахи, а ароматы, а от репейника я ощутил именно могучий сильный запах жизни, силы. Вьются пчелы, бабочки, а когда я подошел ближе, сверху, как груженный вертолет, опустился, надсадно гудя, транспортный медведь с крылышками, распахнул всех и присосался к цветку.

– Ну как? – спросил Карелин.

– Красиво, – ответил я. – Как Хаджи-Мурат.

Он коротко взглянул на меня, вздохнул.

– Какие же мы одинаковые, – произнес ворчливо.

– И вы тоже?

– Да. Одинаково мозги устроены? Или одни книги в школе читали? Я тоже сразу подумал: Хаджи-Мурат...

– Как отнеслась Лина Алексеевна?

Он отмахнулся:

– Не замечает. Женский ум – куриный, видит только то, что на ее огороде. А этот за дорожкой, под забором. Просто не увидела, вот и все. Если узрит, конечно, уничтожит. Она у меня – зверь.

Я провел на его даче, он этот комплекс привычно называл дачей, почти весь остаток дня. За мной носят не только ядерный чемоданчик, но и сверхтонкие ноутбуки, я постоянно могу видеть весь свой кабинет, как явный, так и тайный, могу подключиться к телекамерам и понаблюдать, кто и чем занят в министерствах.

Карелин посматривал с грустной улыбкой. В его мудрых глазах я читал, что при этой галдящей толпе, окружающей меня в таких условиях, Иисусом или Буддой не стать, даже Моисеем и Мухаммадом, те уединялись совсем ненадолго, но все же уединялись. Я скромно улыбался, давая понять, что уже стал, теперь только бы закрепить, чтобы не осталось как сотни других прекрасно начатых дел у многих людей, о которых теперь никто не помнит, ибо дел не завершили и великими не стали. История запоминает только успешные, даже о таких грандиозных провалах, как, к примеру, эйнастия, знают только специалисты, так что надо сейчас ломиться вперед, пока гнутся люди Карла. Пока только Мухаммаду удалось лично развить успех и создать державу абсолютно нового типа, я скромно иду по стопам этого великого человека...

Звезды неслышно подрагивали по безумно далекому небосводу, темному с дивной синевой закаленной стали, на восточной части неба вообще стянулись в звездные рои, словно намевают, что перелететь в другую вселенную. Карелин проводил меня до машины, обнял дружески, как старый мудрый учитель лучшего и талантливейшего ученика, сказал просто:

– Возвращайся быстрее. Кафедра тебя ждет!

– Начну считать дни, – ответил я со щемом в сердце.

– Помни, президента свергнуть просто... а вот ученого – никогда.

Дверца захлопнулась, машина развернулась и пошла к воротам. Да что там свергнуть, подумал я с прежним щемом в сердце, президент сам оставляет пост, ибо это всего лишь пост, а вот ученый остается им и потом... всегда.

Сердце побаливает уже и сбоку, не только под лопаткой. Не так, как при невралгии, что ошибочно принимается за боли в сердце, а в самом деле в сердце. Я чувствую, как эта сердечная мышца, этот насос для перекачивания крови выходит из строя, как рвутся жилки, нити, ломаются клапаны, недокачивают кровь, а то и качают в другую сторону, так что в глазах темнеет от внезапного отлива, или же, наоборот, приливная волна едва не вышибает глаза, хоть ладонями придерживай выпадающие шары.

Ксения очень неохотно приносит кофе, чаще обычного заговаривает о всяких чудо-таблетках, что разом снимают боль и проясняют мозг. Я отмахиваюсь, любой организм – гомеостат, не любит вмешательства, сам поддерживает равновесие, и если лекарствами толкать в одну сторону, качнется в другую, чтобы восстановить это самое равновесие.

Сегодня с утра включил в кабинете большой экран, телевизоры мне работать не мешают, более того – помогают. Если даже видные писатели, вроде Хемингуэя, творили не в тиши кабинетов, а в людных кафе, то политику просто необходимо ощущение бурной жизни, чтобы не застаивался, всегда в форме, чтобы мозг работал, работал, работал...

Замелькали кадры стреляющих танков, тяжелая артиллерия красиво бьет залповым огнем поверх пальм. Строгий женский голос комментирует деловито, затяжные бои между бушманами и готтентотами перешли, мол, в затяжную фазу. Готтентоты претендуют на новое государство, требуют пересмотреть границы, проведенные в прошлом веке иностранными

колонизаторами, в результате чего оказались разрезанными на пять государств. Бушмены, захватившие ключевые посты во всех странах этого региона, отстаивают статус-кво.

Дальше кадры стремительно летящих над самой поверхностью океана, почти касаясь волн, хищных ракет, похожих на самолеты. Ага, армия США нанесла очередной ракетно-бомбовый удар по скоплениям сомалийских сепаратистов. В ответ группа террористов только что привела в действие в американском городе так называемый большой набор террориста: некую нехитрую комбинацию из бомбы и сосуда с заразой. В прошлый раз была сибирская язва, в этот раз город накрыло чем-то похуже...

А вот известие, что по редакциям разослан тайный список Моссада, в котором фигурируют люди, приговоренные тайной израильской разведкой к уничтожению. В списке видные деятели разных стран: политики, ученые, журналисты, банкиры. Правительство Израиля выступило с опровержением, но в арабских странах сразу же начались волнения, а в ряде стран Запада, чьи лидеры оказались в расстрельном списке, нарастают тревога и обеспокоенность...

Американские командос встречают ожесточенное сопротивление на востоке Кувейта от последователей шейха Амира и поддержку со стороны партии шейха Нандира. Потери командос уже превосходили расчетные, но поимка сбежавшего «пророка» Али Измаила все еще не завершена...

Террористы взорвали два гигантских танкера вблизи побережья Флориды. Ущерб оценивается в три миллиарда долларов, плюс в течение двух-трех лет пляжи на протяжении шести сотен километров останутся непригодными.

Не доезжая до Берлина, пущен под откос поезд, где с величайшими предосторожностями везли двенадцать цистерн радиоактивных отходов. Отравленные потоки попали в ручьи и реки, власти призвали перекрыть водоснабжение, а воду временно потреблять только привозную.

Дальше новости культуры, что-то совсем уж неприличное, деятели культуры прошлого перевернулись бы в гробах, увидев нынешнего клоуна в кресле министра, дальше пойдет спорт, я отвернулся от экрана, пульс перестал колотиться в виски. С изумлением я ощутил облегчение, не сразу сообразил, что подспудно ожидал нечто неприятное, даже страшноватое: новости из Рязанской области.

А Карашахину как будто кто-то из кобызов на ногу наступил в троллейбусе. Или в самый зной взял перед ним в лавочке последнюю бутылку пива. Иначе почему каждый день кладет мне на стол сводку о Рязанской области? Нет, кладет целую пачку, но кобызная бумажка всегда наверху. И прежде чем спихнуть ее в сторону, я успеваю пробежать глазами, Карашахин знает о моем скорочтении, да плюс успеваю не только прочесть, но и усвоить, уложить на полочку, а то и аккуратно разложить по ящичкам: что в долговременную память, а что в кратковременную.

Павлов его поддерживает, хотя у Карашахина не только кобызы на уме, он государственный, а это значит, что интересы государства ставит выше интересов человека, в то время как в развитых странах курс на уничтожение института государства вообще, «пусть люди будут свободны». Об этом пока вслух не говорим, но верха молча и согласованно ведут страны к тому, чтобы человечество перестало разделяться границами, языками, религиями... словом, полная и безоговорочная капитуляция. То есть глобализация, так это называется. Но все-таки правильнее: полная и безоговорочная капитуляция государств, наций, народов, религий и множества культур перед лицом однообразной, но напористой штатовщины.

Еще Громов хмурится об упоминании кобызов. Но Громов вообще готов известить всех кавказцев, для него и кобызы – кавказцы, а в стране ввел бы что-то вроде диктатуры. Государственники, мать их... И все делают вид, что на Рязанщине что-то необычное. Да, кобызов там намного больше, чем, скажем, на Псковщине. Ну и что? Конечно, кобызы привлекают гораздо больше внимания, чем живущие там же украинцы или молдаване. Конечно же, кобызы из-за своей малочисленности больше чувствуют привязанности и симпатии друг к другу, чем те же русские. Русские, напротив, встретившись за рубежом и узнав, что перед ними соотечествен-

ник, тут же кривят рожи, отворачиваются и уходят. Кобызы же бросаются друг другу в объятия. Но разве можно им это ставить в вину? Но мы – ставим. А вот если бы они, как и мы, спивались и ползали пьяными рылами в грязи, мы бы ощутили к ним симпатию.

Сегодня Карашахин, не довольствуясь обычным ритуалом, одну из бумаг положил отдельно.

– Господин президент, вот требование главы группы «Фархад».

– Что, палестинские шахиды?

– Не хотите ли прочесть? – ответил он вопросом на вопрос.

– Там две страницы, – бросил я раздраженно. – Если буду все это читать...

– Нет, господин президент, – сказал он ровным голосом, – «Фархад» – это не палестинские террористы.

– А что, чеченские?

– Не угадали, господин президент. Это кобызы. Глава этого «Фархада», довольно экстремистской группировки, потребовал референдума по Рязанской области.

Я вскинул брови.

– По какому поводу?

– Он предлагает ввести по области суд шариата. Или хотя бы в местах компактного расселения кобызов.

Я пожал плечами:

– Но это же бред!

– Не скажите, – заметил Карашахин. – Кроме самих кобызов, в этом вопросе их поддерживает почти половина русских. Женщинам надоело пьянство мужей, а по шариату, за пьянство – порка на центральной площади. По нему же, весьма жестоко наказывают за воровство, даже за хулиганство. Люди ощутили, что под защитой шариата им будет спокойнее...

– Позор, – вырвалось у меня.

– Почему? – вежливо поинтересовался Карашахин. – Люди ищут защиту. Если его не даст закон, будут искать даже у бандитов.

Сердце мое упало, народ жаждет немедленных мер, не понимая, что жестокость обернется жестокостью против них же самих.

Карашахин ждал, я наконец обронил тускло:

– Экстремисты есть в любом народе, как и в любой религии. По экстремистам нельзя судить о народе, из которого они вышли. Вы сами понимаете, что на его призыв никто не откликнется, а муфтии, или кто там у них старший, поспешно от них отбоярятся. Мол, мы – кобызы, а они – бандиты. Нам не придется вмешиваться, напоминать о федеральном законе и прочих неприятных вещах.

Он поклонился:

– Надеюсь, вы правы, господин президент.

В серых бесцветных глазах блеснул на миг и пропал опасный огонек.

Насилие раскололо мир, подумал я горько, а трещина пролегла через сердца политиков. Вот Павлов – умнейший же человек, а считает, что необходимость в насилии не падает, а будет возрастать. Хотя видно же, вся история цивилизации говорит о том, что все меньше насилия и произвола, все больше власть законов... И Карашахин с ним. Постоянно, хоть и очень мягко, подталкивает, настраивает против бедных кобызов.

Это мы сами распространяем о себе слух, что у нас, политиков, нет сердец, что все мы – черствые, циничные и бездушные, как придорожные камни. Пусть о нас думают так, пусть. Зато легче проходят наши законы и поправки к законам, чаще всего продиктованные все теми же эмоциями, чувствами, а не голым прагматизмом, как мы представляемся избирателям.

Политик не может показывать, что у него есть сердце, есть душа, что любит или ценит что-то: этим укажет противникам на уязвимое место, но сам-то знает, что сердце у него есть.

Да и у других, оказывается, есть – то одного, то другого увозят со внезапным инфарктом! А у меня этих болезненных мест начинает прибавляться, броня истончается... Рязанская область с ее кобызами – новая боль, которую скрываю даже от себя.

– Нельзя, – проговорил я вслух, – нельзя поддаваться рецидивам из старого мира. Фашизм... соблазнителен!

Ксения переставляла чашки с кофе и бутерброды с подноса на стол, ее кукольное лицо приняло выражение внимания, переспросила мягким обволакивающим голосом:

– Фашизм?..

– Да, лапочка, фашизм.

Она сказала с недоумением:

– Но ведь это было так давно...

– Не так уж, – ответил я с горечью, – не так уж...

– Но тогда же не было компьютеров, – возразила она, просияв. – Даже телевизоров не было!.. Нет, господин президент, никаких фашизмов теперь уже быть не может. Будет что-то совсем другое.

Она ушла, милая, теплая и бездумная, я тупо провожал взглядом ее полные покачивающиеся бедра на длинных ногах, как раз таких, чтобы мне на полусогнутых не мучиться в любимой мужчинами позе, призванная заботиться о моем тонусе, как насчет горячего кофе, так и насчет того, чтобы гормоны сбрасывать до того, как затуманят прекрасно работающий трезвый мозг.

Никаких фашизмов быть не может, как сказала уверенно малолетка... Но, с другой стороны, в ее уверенности может таиться и сермяжная правда. Сама же уточнила, что будет что-то совсем другое. Это мы по старинке все пользуемся терминами, доставшимися из тех давних времен, когда и телевизора, как она говорит, не было... Для них это времена наполеоновского нашествия или Куликовской битвы. И хотя я знаю, что времена фашизма все еще угрожающе близки, мы не настолько от них отошли, чтобы относиться, как к языческим утоплениям младенцев ради урожая, однако правда в том, что фашизм хоть и близко, но уже за спиной, а впереди... что впереди?

Я машинально потер ладонью левую сторону груди. То ли в самом деле боль в сердце, то ли межреберная невралгия, которую все принимают за боли в сердце... Как сказал Чазов, все болезни от нервов.

Ксения заглянула в кабинет, в глазах тревога, успела заметить, что мну левую сторону груди.

– Господин президент...

– Зови, – прервал я.

Она не сдвинулась с места, в глазах тревога.

– Господин президент, к вам Чазов. Говорит, неотложное дело.

Я скривился. Как всякий человек, привыкший быть здоровым, врачей не люблю, боюсь и всячески избегаю. Но я не слесарь, за президентом врачи ходят сами.

Чазов вошел вальяжно, настраивая меня на благодушный лад, но я заговорил сварливо:

– Давайте быстрее, что у вас там. Министры уже собираются, я не могу заставлять людей ждать.

– Можете, – сказал он успокаивающе. – Вы ж президент! А президент все может. Вон как Клинтон Моника... Присядьте, господин президент, у меня к вам только один вопрос...

В руках его появился с непостижимой ловкостью стетоскоп, он приложил к моей груди, прислушался, передвинул. С трубками в ушах он похож на растолстевшего подростка с проводами плеера.

– Ну что там?

– Не нравится мне ваше сердце, – проговорил он наконец. – Очень не нравится.

– А я вам его и не предлагаю, – огрызнулся я. – Мне, к слову сказать, горнолыжным спортом не заниматься.

– Боюсь, – проговорил он, – что скоро из-за стола подняться не сможете. А если сумеете, то инфаркт такой хватит, что не откачаем. У вас же и внутричерепное давление такое, что вот-вот голова разлетится на куски, как противопехотная мина. Эх, Дмитрий Дмитриевич, еще один из Людовиков заявил в свое время: «Франция – это я». В школе нас учили, что это формула абсолютного абсолютизма, диктаторства и прочего тоталитаризма. Но на самом же деле это формула идеального правителя. Правитель должен быть связан сотнями, тысячами, мириадами нитей со страной, чувствовать ее всю. И все, что происходит в стране, должно происходить в нем, в его душе, совести, чувствах и даже в плоти. А что меняется в президенте – должно отражаться в стране. Неслучайно у атцеков и майя императором выбирали самого сильного и здорового, чтобы олицетворял страну, народ, чтобы пил и ел вволю самое лучшее, трахался, пел и плясал, то есть жил счастливо. А когда старел, тут же убивали и заменяли другим олимпийским чемпионом.

Я посмотрел исподлобья:

– Что, меня уже убивать пора?

– Давно, – ответил он. – У атцеков вы и часа бы не прожили. Вот таблетки я принес, четыре раза в день. Вот эти, синенькие, дважды в сутки: утром и вечером. По две, не забудьте. Это вот микстура... ее только утром. Не до кофе и не после, а вместо. Все понятно? Учтите, я все это повторю Ксении.

– Ладно, – сказал я. – Только не оставляйте на столе, я ж не инвалид еще. Пусть в ящике стола, под рукой.

Он ушел, и минут через пять, ровно столько, чтобы инструктировать Ксению, какие таблетки и сколько раз давать президенту, снова отворилась дверь, Ксения сказала торопливо:

– Господин президент, уже все собрались.

– Вводи, – ответил я по-сигуранцевски.

Глава 6

Они входили разные и в то же время одинаковые: в костюмах от лучших дизайнеров, с одинаковыми сверкающими улыбками: у кого металлокерамика, у кого модный стеклокомпозит, у всех мощный загар, каждый всем видом показывает, что бегают по утрам, отжимается, играет в футбол и, как весь народ, пьет пиво и болеет за любимую команду хоккеистов.

Даже рукопожатия одинаковые: энергичные, но не слишком, мастерски поставленные одним и тем же имиджмейкером. У всех в руках сверхплоские ноутбуки, даже у консерватора Агутина, министра сельского хозяйства, что раньше являлся с толстой кожаной папкой, сейчас планшетка от Тошибы, элегантная и навороченная. Значит, намерен удержаться на посту, учтем. Более того, когда раскрыл ноутбук, там оказался один экран, а на край стола проецировалась призрачная клавиатура. Агутин положил на нее пальцы, понятно, программа отслеживает движения пальцев. Круто, такой комп можно носить в нагрудном кармане.

За последнюю неделю Новодворский провел целую серию выступлений по телевидению, говорил всюду живо, просто и образно, много шутил, порой – слишком раскованно, но народ это обожает, и без того высокий рейтинг вырос еще на три процента. Сейчас в кабинете его приветствуют шумно, даже чересчур, как триумфатора, въезжающего в Рим, где все еще в кресле престарелый император, которому давно пора на покой, давно...

Новодворский хохотнул, сказал, в великом удовольствии потирая белые пухлые руки:

– В России делом не начинают заниматься, пока по жопе не пнут или в анус не поцелуют.

Окунев угодливо хихикнул, многозначительно указал взглядом в сторону Громова:

– Символично, что некоторым людям, для того чтобы выбить дурь из головы, надо дать по заднице!.. Поздравляю, Валерий Гапонович, с возросшей популярностью, хотя куда уж больше! Выше был разве что у Александра Первого или Владимира Крестителя, да и то не уверен...

Громов покосился в сторону премьера, буркнул Каганову достаточно громко:

– Есть в слове «популярность» что-то от задницы... Не пойму только что. А популист – так и вовсе!

Новодворский наконец пробился ко мне, мы обменялись рукопожатиями, я спросил подозрительно:

– Что это вы там язык показывали? Мне или кому?

Новодворский с самым сокрушенным видом развел руками:

– Это я не язык вам показываю, Дмитрий Дмитриевич, это у меня после тех банкетов и приемов печень торчит. Вы же знаете, чтобы упрочить связи, надо столько съесть и выпить! К счастью, теперь пуд соли заменили ящиком коньяка и центнером хорошо прожаренного мяса с лучком и перчиком.

В сторонке Каганов поинтересовался у Забайкальца, нашего министра иностранных дел:

– Правда, что правительство США согласилось на очередную поставку оружия Израилю при таком наглом условии, что Америке будут возвращены Нью-Йорк и Лос-Анджелес?

– Сойдутся на одном Нью-Йорке, – ответил Забайкалец рокошуще. – Я слышал, вы подали предложение, как в этом году стабилизировать рубль? А если получится, то и два?

– Я такое не рискну, – ответил Каганов. – Наш премьер против, а спорить с ним – все равно что мочиться на высоковольтный провод: во-первых, чтобы дотянуться, надо быть достаточно крутым. Во-вторых, результат...

Забайкалец хохотнул:

– Какой же вы демократ? Настоящий демократ никогда не побоится плюнуть в рожу носителю власти. То есть народу. А что такое премьер-министр? Слуга народа.

Новодворский, премьер, показал массивный кулак.

– Показать вертикаль власти? Сразу поменяете на горизонталь секса.

Закончив с рукопожатиями, я широким жестом указал на стулья:

– Прошу садиться. Я знаю, что вы люди очень занятые, постараюсь надолго не задерживать. Перейдем сразу к основному вопросу. Нам удалось ввести в строй добычу нефти на Гнилоболотском... надо бы название сменить... месторождения. Да плюс удачная конъюнктура на мировом рынке. Словом, появились дополнительно к бюджету девятьсот миллионов долларов...

Громов проворчал:

– Долларов? Разве в нашей стране считают не в рублях?

– Но страна получила в долларах, – вступился за меня Новодворский. – Потому речь о долларах. Да и вообще в долларах считать удобнее.

– Да и потратим, как доллары, – поддакнул Окунев. – Кому нужны деревянные? Деревянный рубль воняет!

Громов прорычал:

– А Сахаров – гордость русской нации, знаем-знаем. Продолжайте, Дмитрий Дмитриевич. Простите, что перебил.

– Спасибо за разрешение, – сказал я, – так вот как поступить с этим неожиданно свалившимся почти миллиардом...

– Не так уж и неожиданно, – возразил Каганов. – Мы прогнозировали, что такая вероятность есть. В известных пределах, естественно.

– Но гражданскую войну в Венесуэле никто не мог предсказать, – отмахнулся я. – А из-за нее и такой скачок цен. Хочу напомнить, что дыр в нашей экономике столько, что и сотней миллиардов не заткнешь, так что давайте сразу поумерим аппетиты. Реальнее, товарищи, реальнее!.. Прошу высказываться. Вам слово, Николай Степанович, вы вроде бы готовили какие-то материалы...

Окунев по-вицепремьерьи откашлялся, что значит почти державно, воздел грузную массу хищного динозавра и, опершись передними конечностями о стол, оглядел всех взглядом асфальтового катка.

– Нашему народу уже столько обещано, а ему все мало, – сказал он грузно. – Требуется, несознательный, чтобы еще и выполнялось... Так что придется в этот раз отстегнуть на социальные нужды больше, чем планировалось. Иначе чревато боком.

Убийло поморщился:

– Извините, уважаемый Николай Степанович, вас в детстве не роняли, а швыряли. Раз уж такой спрос на нефть, то надо в нефтедобычу жабы шкурки. И чем больше, тем лучше!

– Не тяните одеяло, – сварливо сказал Шандырин. – Пока те жабы шкурки заработают, спрос на нефть упадет. А вот если будем платить нашим ученым столько, сколько платим, даже уборщицы из НИИ убегут на Запад. Однозначно!

Каганов предложил:

– А давайте придумаем новое название Гнилому Болоту? У меня тут пара подходящих вертится... Николай Степанович, не смотрите зверем, я вас боюсь, пра-ативный!.. Все наши заслуги забудутся, а вот поменянное имя останется.

– Идите вы, – предложил Окунев.

– Куда?

– Навстречу пожеланиям трудящихся, – угрюмо произнес Окунев. – Вы уже переназвали нефтедоллар бензобаксом, достаточно. Господин президент, мы больше всех запоздали с реформой военного дела...

Новодворский сказал раздраженно:

– Кому сейчас нужны военные? США берут на себя тяжелую и дорогостоящую миссию по поддержанию мира во всех регионах планеты. Радоваться надо! Они вон за нас Афганистан утихомирили. Вам на пенсию еще не рано?... Тогда подберем подходящую для вас работу... Ну,

соответствующую вашим данным. Русские не способны ни к чему, кроме пьянства и свинства, это однозначно сказал еще Сергей Адамович Ковалев – совесть нации!

– И еще сказал, – мрачно буркнул Громов, – что у нас преступный режим. Вот уже тысячу лет с момента прихода Рюрика. И до того времени тоже был, потому что – русские свиньи, как же иначе? Так что давайте приступим.

Новодворский обогнул стол, я слышал, как в спину пахнуло мясомолочным теплом от его демократически раздобревшей туши.

– Господин президент, – произнес он у меня над ухом, – обращаю ваше внимание, что на Арбате снова замечены люди, продававшие «Майн кампф». Я настоятельно требую ужесточить меры по борьбе с русским фашизмом, русским шовинизмом и русским нацизмом! Весь мир и все прогрессивное человечество не могут допустить, чтобы...

Боль в висках стала сильнее. Нажим демократов становится все мощнее, когда-то они меня дожмут, ведь я сам избран от демократов, я демократ от ушей до пят, сдамся и подпишу приказ о полном запрете издания и распространения литературы, в любой форме связанной с пропагандой... гм... но всякий раз останавливает, что стоит только начать, а там останавливаться трудно, стоит только внести в список труды Гитлера и Ленина, как требуют демократы, как лист начнет расширяться, это неизбежно, потому что Гитлера и Ленина не отделяет от других мыслителей и политиков непреодолимая пропасть, всегда найдутся почти такие же, как Гитлер, только чуть-чуть демократичнее, всего на миллиметр ближе, их тоже придется внести, а затем и тех, кто рядом с этими, нововнесенными...

Смотрят в ожидании ответа. Я собрался с силами и, преодолевая боль в висках, что начала расплзаться на лобные доли, произнес как можно тверже:

– Запретами только подчеркнем их силу, их влияние. Если уж демократия, то всякое мнение может быть произнесено вслух. Кто это из вас твердит, что готов отдать жизнь, чтобы даже мнение противника было высказано?

Убийло сказал ехидно:

– Да есть тут один...

Окунев хмыкнул:

– Только он всякий раз добавляет: если это не мнение фашиста, коммуниста или конкурента.

Я закончил, держа голос на том уровне, чтобы не дрогнул, выдавая мою слабость:

– Не нравятся идеи Гитлера? Постарайтесь опровергнуть. Запреты – признание в слабости!

Сигуранцев взглянул на меня пристально.

– А мы, – спросил он негромко, – сильные?

Я огрызнулся:

– Надеюсь.

Он медленно кивнул, все еще не спуская с меня взгляда.

– Я тоже надеюсь, – сказал он со значением.

Каганов вздохнул, заговорил плачущим голосом:

– Ну что вы о каких-то фашистах?.. Ну чем они вам так интересны? Тут о деньгах речь, а вы – о фашистах. Точно – русские, даже деньги вас не заводят, о политике готовы и в постели, ну точно поляки... Я прошу обратить внимание на недостаточное финансирование науки. Добавить надо совсем крохи, но надо! Меньше, чем спроектировать и построить один-единственный боевой самолет.

Я вздохнул:

– Глубокие бреши в бюджете могут оставить и мелкие расходы. К сожалению, к нам опыт пришел вместе с долгами. Вы забываете, что Россия взяла на себя долг всего СССР, в то время как бывшим республикам остались выстроенные на их территориях заводы, фабрики, аэро-

дромы, склады, дороги... Сколько в этом году нам платить? Если бросить всю сумму не только на выплату процентов, но и на уменьшение общей суммы...

Окунев запротестовал:

– Народ этого просто не заметит, Дмитрий Дмитриевич!.. А вот если поставите десяток пивных ларьков – оценят и проголосуют. Ну, за вас уже не получится, так хоть за человека, которого порекомендуете.

– Вы на глазах уходите из лагеря демократов, – заметил я. – Что это с вами? Значит, вопрос стоит так: поступить на благо страны, но народ не заметит и не оценит, или же устроить цирк с раздачей бесплатных пряников на миллион долларов, а остальные девятьсот рассовать по карманам?

– Хорошо бы, – сказал Каганов, – да куда столько? И так карманы рвутся: насовали туда уже столько, в Швейцарии банков не хватает.

Сигуранцев предложил ровным голосом:

– Может быть, перекурим? Никотиновое голодание приводит к алкогольному обжорству. Лев Николаевич, может быть, покурите с нами? Вдруг врачи брешут про каплю никотина?

Босенко сказал язвительно:

– Не шутите с куревом. Одна капля никотина, и нам искать другого министра обороны...

Окунев взглянул без приязни, буркнул:

– Капля никотина убивает лошадь, а капля Fairy убивает жирного хряка.

Каганов сказал примирительно:

– Если капля никотина убивает лошадь, то сколько же во мне лошадиных сил? Эх, уговорили... Пить – вредно, курить – противно, а помереть в таком бардаке здоровым – жалко. Как насчет перекура, Дмитрий Дмитриевич?

Я покачал головой:

– Я взял себе за правило никогда не курить больше одной сигары одновременно. А потом и вовсе бросил. Всем курящим придется выйти за территорию Кремля, здесь, как вы помните, уже не курят. Идите-идите!.. Оставшиеся распределят деньги... справедливо.

Ксения принесла кофе, а потом, глядя на осунувшиеся толстые морды, вздохнула сочувствующе, минут через десять появилась с кучей бутербродов.

Новодворский замер, прислушался, все повернули головы к экрану. Каганов добавил звук, из огромного дисплея в комнату, казалось, летели обломки взорванных автомобилей, окровавленные куски тел, взволнованный голос сообщил, что в штате Колорадо исламскими экстремистами взорван автомобиль возле школы, погибло восемь человек, девятнадцать ранены.

Появилось хорошенькое кукольное личико телеведущей, она затараторила быстро-быстро, волнуясь пышной грудью и закатывая крупные глаза небесно-голубого цвета:

– Сегодня в восемь утра страшное побоище учинил в канзасской школе ученик старшего класса Джон Муглер. Он расстрелял восемь учителей и сорок шесть учеников. Горе родителей не знает предела, на этой почве вспыхнули расовые беспорядки...

Быстро промелькнули смазанные кадры разбегающихся людей, затем камера показала тарзаньи заросли, ведущая прошептала, что ночью поезд Дели – Ягуси был остановлен неизвестными, всех пассажиров индийского происхождения вывели и расстреляли на обочине. Ответственность за варварский акт убийства семисот сорока трех человек взяли на себя «Львы Пенджаба».

Кроме того, добавила она быстро, только что раскрыта секта сатанистов на севере Юты, совершавшая человеческие жертвоприношения. В течение только последнего года они принесли в жертву семьсот человек, из них триста младенцев. При попытке ареста члены секты

оказали сопротивление, которое удалось подавить только при помощи танков. Погибло сорок два полицейских и двенадцать бойцов спецназначения...

Окунев смотрел безразлично, а когда заговорил, Каганов убавил звук до минимума, хотя Новодворский и бросил на него недовольный взгляд.

– Ну и что? – сказал Окунев. – Кого этим удивишь? Идет война. Что вылупили зенки? Вы что же, всерьез считаете, что новая мировая будет наподобие старых? С фронтами, окопами и штыковыми атаками на противника? Ну вы и дикари, дикари... Вокруг костров с бубнами не пляшете? Странно... Кончилась эпоха, когда противник обозначен на штабной карте. Сейчас ни одна страна не воюет, а воюют разные, как их называем, экстремисты. Потому и гремят взрывы, люди в масках захватывают самолеты, автобусы с пассажирами, на фугасах взрываются бронетранспортеры и сверхтяжелые танки, группы неизвестных захватывают стадионы, театры с массами народу, а самолеты с заложниками... ну, вы знаете, что с ними делают. И знаете, что с тех двух башен в Нью-Йорке только началось...

– Террористы рано или поздно будут пойманы все, – возразил Новодворский. – Об этом твердо и недвусмысленно заявил сам президент самих Соединенных Штатов!

Громов отмахнулся:

– Да бросьте чушить. Нет террористов! Просто вот нет – и все. Идет война. Это война теперь такая, еще не поняли? Вторая мировая не похожа на Первую, третья на Вторую, а сейчас, как говорит наш Павлов, началась четвертая... Я не стебусь, мне, как военному министру, в этой непонятной войне хуже всего и горько, как будто наелся хрену с редькой. Мы, военные всех стран, готовились к войне с противником, который... обозначен, я не нахожу другого слова. Но не с ребятами с черными или белыми платками на мордах, которые быстренько снимают их в ближайшем переулке, выходят и улыбаются, сочувствуют, а сами присматриваются, кто уцелел после их налета, как ударить в следующий раз точнее и больше. У меня под рукой огромный ядерный потенциал, все живое на планете разнесу, смету, испепелю сорок раз, у меня атомных подводных лодок столько, что рыбе в морях тесно, а когда подниму все атомные бомбардировщики, закрою небо, и наступит ночь... ну и что мне со всем этим вооружением делать?

Он развел руками, рассерженный и придавленный донельзя. Новодворский улыбался победно, Сигуранцев сочувственно хмурился, снова противник опередил, снова он впереди, воюет по правилам, которые придумал сам, а мы все еще изучаем стратегию, которой пользовался Ганнибал при Каннах...

– Одно утешение, – прорычал Громов, – что и за океаном такие же лохи! Накапливают крылатые ракеты с ядерными боеголовками, в то время как противник взрывает их школы, театры, супермаркеты. Но из-за этого противника, который незрим, никому нельзя доверять! Ни-ко-му.

– Даже себе, – поддакнул Новодворский. – А ведь только пукнуть хотел, верно?

Громов оглядел его исподлобья, буркнул:

– Тоже мне защитник Родины! В окопах не был, а разговаривает. Наверное, хотите духом окрепнуть в борьбе? Нишкните, демократ... Хотите, дам «Курс молодого бойца», чтоб изучили на досуге? О выполнении доложите, бить не буду. Если с первого раза не получится, значит, парашютный спорт не для вас. Если не получится и во второй, значит, привидение из вас тоже хреновое. Я ж знаю, что в России по-прежнему две проблемы: дороги и демократы.

– Да ладно вам! А что Сигуранцев, как он насчет этого защитничества Родины? У него свои методы, верно?

Громов отмахнулся:

– Он сказал что-то насчет кондоминиума, но я не понял. Кстати, что это такое?

– Не знаю точно, но спросите у Окунева. Он всегда покупает в аптеке самого маленького размера.

– Ну да – навеки врагом станет. Что ума мало – не обидится, а вот... гм... Я вообще-то храбрый, как подлинный гегемон духа, но не рискну, не рискну.

– Жаль, – сказал Новодворский. – В вас погибает агитатор, горлан и главарь. Хоть сейчас и не время для броневикулов на Финском вокзале, но кто знает?

– А когда вы, – отпаривал Громов, – восклицаете насчет террористов, у которых нет национальности, у меня прям мороз по коже и в других разных местах от восторга! А когда про наступление на свободу слова в России, то вы прямо Цицерон, обличающий Клеопатру в распутстве! Вы прям Андрей Савельич Цимельман, защитник православия!

Новодворский спросил с укоризной:

– Как вы можете такое?

– Свинья он был, – сказал Громов раздраженно. – Редкостная свинья!

Новодворский чуть улыбнулся, показывая, что да, министр обороны хоть и груб, но прав, однако сказал нравоучительно:

– Ах, Лев Николаевич!.. Дэ мортуис аут бене аут нихиль, как говорили в древности, что значит: о мертвых либо хорошо, либо ничего. А ведь Цимельман умер...

– Все равно свинья, – сказал Громов упрямо. – Только дохлая.

По губам Новодворского скользнула улыбка, Шандырин опустил глаза, соглашаясь, Каганов и Убийло смотрели прямо перед собой, ни один глазом не повел, но я чувствовал, что каждый из них сказал про себя: да, свинья этот Цимельман, редкостная свинья. Громов прав, хоть и груб, как всякий солдафон, но Цимельман все-таки свинья.

Они посмотрели на меня, я кивнул:

– Да, вы правы, нехорошо так о мертвом...

Новодворский самодовольно улыбнулся, а я подумал с тоскливой злостью, что снова язык мой произносит не то, что думаю, снова этот разлад между словом и делом, мыслью и поступком. Это в конце концов разрушило и строительство египетской пирамиды коммунизма, и сейчас рушит наши души, вгоняет в депрессию. Почему лицемерим? Почему не перестать лицемерить? Ведь постоянно перемываем кости не только Чингисхану, Сталину или Гитлеру, но вслух говорим, что, дескать, о мертвых либо хорошо, либо ничего! Мы – посмешище для наших детей. Они эту фальшь видят и, если мы сами не успеем сделать выводы и попытаемся вести себя сообразно здравому смыслу, а не этому *de mortuis aut bene aut nihil*, придуманному в Древнем Риме для каких-то своих римских целей, то дети сами попробуют построить новый мир, в котором нам места уже не отыщется.

Хуже того, это видят и наши избиратели. И перестают доверять нам тоже. Говорят безнадёжно: и эти тоже...

Глава 7

Часа четыре делили бюджетную прибавку, никто не ушел ни курить, ни обедать, перекраивали, находили новые дыры, спохватывались и отбирали частичку у тех, кому слишком много дали, а обиженные поднимали крик, в ход шли цифры и диаграммы.

Наконец Забайкалец сказал с облегчением:

– Ну, вроде бы все распределили... Землю распределили, заводы пристроили, пора и о людях подумать...

Наступило минутное замешательство, Окунев произнес задумчиво:

– А что, верно. Думаю, душ по семьсот на каждого хватит?

– И по замку с крепостной стеной и подъемным мостом, – добавил Убийло.

Все сидели расслабленные, уставшие, Каганов вытирал лоб огромным шотландским платком, размером с килт, Сигуранцев расстегнул рубашку, распустил и сдвинул на сторону галстук, а Босенко так и вовсе галстук снял и небрежно бросил на спинку стула.

Карашахин взглянул на часы, неслышно выскользнул. Забайкалец задумчиво спросил ему вдогонку:

– Почему на сигаретах пишут «легкие», а на водке не пишут «печень»?

– Чтобы меньше курить, – сказал Каганов наставительно, – нужно дольше спать. А скажите, когда вы курите после секса, наверняка делаете этого быстрее обычного?

Громов вздохнул:

– Бросай курить! Вставай на лыжи! И вместо рака будет грыжа. Нет уж, курить я буду, но пить не брошу! Я знаю, что курить вредно. А жить – противно...

Сигуранцев поинтересовался с иронией:

– Что это вы такой ну просто демократ? Курить, пить, еще скажите...

– Не скажу, – огрызнулся Громов. – Еще чего восхотели! Вот не скажу, и все! Я вот сейчас что думаю...

Новодворский сказал очень заботливо:

– Зачем это вам? Вы же военный человек!

– Разве война в Ираке, – продолжил Громов, не обращая внимания на ехидство премьера, – не показала, что демократия демократией, но когда нужно в самом деле что-то решать, то правители не считаются с так называемым простым народом? С простолюдинами, ибо их удел – чистить конюшни, а не править королевствами. Даже в Англии, единственной стране, что воевала в Ираке, помимо Штатов, и то абсолютное большинство населения было против начала военных действий... и что, посчитался премьер-министр с требованиями граждан? Как же, шас!..

Шандырин услышал, пересел ближе, галстук давно снял, рубашку расстегнул, еще чуть – и начнет закатывать рукава на могучих ручищах.

– В задницу их требования, – заявил он зычно. – Ишь, демократия!.. Никакие великие свершения не мыслимы при демократии! Вы можете себе представить, чтобы египетские пирамиды были выстроены при демократии?

Новодворский фыркнул:

– А фиг в них хорошего? Или нужного? В демократичных Штатах небоскребы повыше пирамид, в них живут и работают. Как-никак польза...

Шандырин покачал пальцем:

– Не сравнивайте гениталий с пальцем. Будь в Штатах фашизм или таталитаризм, сейчас на Луне и Марсе целые города бы за экономию света боролись! Не знаю, руду бы там копали или че, но если какой метеорит опять на Земле динозавров побьет, то хоть на Марсе останемся. А

так из-за прокладок с крылышками все хрюкаем в теплом болоте. Чуть какая комета побольше, всем крышка.

Громов кивнул, сказал рокоchущим голосом:

– Вообще-то все страны свой суверенитет потеряют. Демократические они или нет, но США всех подомнут. Да-да, спорить не надо, потеряют, что вообще, как ни грустно, но так и должно быть. Сохранит свой полный суверенитет лишь США, как это образование полагает, но, скорее всего, таких образований будет двое: США и Китай. От нас же в данный момент зависит не только быть или не быть России, но и шанс войти в этот Клуб Больших третьим членом.

Новодворский сказал горячо:

– А зачем это нам?

Шандырин переспросил грозным и вместе с тем непонимающим тоном:

– Как это зачем?

– Нет, вы объясните, зачем? – повторил Новодворский. – Почему всему миру не стать одной богатой и просвещенной Америкой? Почему?

Сигуранцев вернулся в кабинет, чуть посвежевший, на висках блестит влага. Услышал Новодворского, пробормотал достаточно громко, чтобы слышали все:

– Как просто нам внушить, что люди с двойной моралью вдвое нравственнее нас... Человеку любой эпохи интересно: «А сколько Иуда получил на наши деньги?»

Новодворский оглянулся, поморщился.

– А, пришла Федеральная служба безопасности... Название громкое, а презервативы делать так и не научились. Вчера с похмелья весь день вспоминал ваше отчество...

– Ну и как? – поинтересовался Сигуранцев холодно.

– Ни одно хорошее слово на ум не пришло.

Шандырин поерзал, видя, как обижают любимую службу безопасности, громыхнул:

– А я видел специально выпущенных для демократов надувных баб!

Новодворский вскинул брови на середину лба.

– А как вы отличаете выпущенных для вас, простого и рабочекрестьянского, от демократических?

– Дык просто, – удивился Шандырин. – Наши бабы как бабы, сколько ни дуй, только сиськи больше, а вот когда вашу надуешь чересчур... словом, негромко так это чпокнет и... поменяет пол. А продают их, как простых, для прикрытия. Или в надежде, что перевоспитаются, хотя не понимаю, что может перевоспитать вас, разве что хорошие цивилизованные лагеря в Треблинке?

Новодворский брезгливо отстранился:

– Вы забрызгали меня своими убийственными аргументами. Как сказал светоч российской науки Андрей Дмитриевич Сахаров...

Громов перебил, обращаясь к Сигуранцеву:

– Что наша разведка думает? США разбомбили Югославию, Ирак, сейчас стирают с земли Сомали. Чья придет очередь: Ирана, Саудовской Аравии, Сирии?

– Значит, – сказал Шандырин оценивающе, – у нас еще есть время...

Я помалкивал, давал время отдохнуть, ибо кому-то требуется сбегать в курилку, а другим достаточно вот так потрепаться свободно, давая полушариям не генерировать мысли на строго определенную тему. На меня начали оглядываться, наконец Громов вежливо поинтересовался, что думает президент о быстро меняющейся ситуации в международных отношениях, много ли у нас времени...

– Не много, – предостерег я. – Как только наши заокеанские союзники увидят, что мы усиливаемся, постараются вместо очередной жертвы напасть на нас.

Шандырин покачал головой:

– Пока у нас есть ядерное оружие... а также средства их доставки, не сунутся.

– Не сунутся вот так прямо, как в Ираке, – согласился я. – Но давление, которое ощущаем и сейчас, резко усилится. Начнется мощная кампания обвинений... ну, в массовом геноциде, нарушении свобод, постараются так нас обгадить в глазах всего мира, чтобы мы не смели даже протянуть руку к ядерной кнопке.

Громов коротко хохотнул:

– Ядерное оружие – не оружие войны, а оружие сдерживания. Напоминание, что это – крайняя мера. Так вот должны знать, что мы, русские, достаточно безбашенные, чтобы одним ударом опустить весь Американский континент, как Бог опустил Атлантиду. Зато, мол, глобальное потепление поможет легче перенести ядерную зиму! Я уже поручил Генштабу подумать над новой доктриной... но о ней доложу, когда завершим перевод на... некую автоматизацию. Уверю вас, все будет завершено за пару недель.

У Новодворского вытянулись уши, даже лицо, как пластилиновое, сузилось и подалось в мою сторону.

– Что за доктрина?... Как можно ее принимать, не обсудив в Госдуме? Без всенародного одобрения всего народа?

– Простого народа, – буркнул Сигуранцев.

Новодворский от волнения даже не уловил издевки, сказал горячо:

– Да-да, а вот в этом вы правы, абсолютно правы! Как можно без изъятия воли всего простого народа?

Каганов сказал утешающее:

– Ну, чего вы так, сами же говорите, что у нас все через задницу!

Новодворский мягко укорил:

– Вы же интеллигент, господин Каганов, в отличие от этих... ну, этих! Надо говорить, что у нас страна нетрадиционной ориентации.

Шандырин сказал злобно:

– А вот шиш вам. Уже и всю страну в демократы записали? А вы случаем не смотрели вчерашние результаты опроса населения отношения к демократии: послать на... – сорок три процента, послать к... – тридцать один процент, послать в... – семнадцать процентов, а не определились, куда послать вас, – всего девять процентов!

Сигуранцев остановился за его спиной, дружески похлопал по плечу.

– Страна у нас многонациональная, – сказал он убеждающе. – Вот даже Мокашев и то немного Альберт, а ты хочешь всех под одну гребенку? Терроризм или фашизм не имеют национальности, когда говорят о чеченах, арабах или еще о ком-то, но когда заходит речь о русских, то «русский фашизм» скоро начнут писать слитно. Да и вообще слово «русский» – очень удобное прилагательное, чтобы демократы к нему цепляли всякие гадости.

– А что, – огрызнулся Новодворский, – есть предложение чем-то заменить?

Он хохотнул, а Шандырин сказал зло:

– Да знаю-знаю, чем бы вы хотели заменить... А если лучше – вообще вытереть его из всех словарей.

– Вы сами его заменяли, – ответил Новодворский обвиняющее. – Забыли «советский»?

Они снова обратили взоры в мою сторону, я вытащил таблетку анальгина, проглотил, потом подумал и добавил еще одну, в черепе нарастает боль, сказал устало:

– По старинке все еще мямлят: «Если ударят по правой, подставь левую», но уже всяк понимает, что это не только не жизненно, но и аморально, ибо поощряет ударившего. Сейчас если тебя вот так по щеке, то всяк считает, что надо в ответ садануть так, чтобы зубы разлетелись веером. Лучше всего даже не кулаком, а бейсбольной битой, по-русски – монтировкой. А то и догнать, ногой в поясницу так, чтобы позвоночник хрустнул, а потом еще и попрыгать на обездвиженном теле.

Новодворский пробормотал озадаченно:

– Это уж чересчур...

– Но то, чтоб зубы веером, – спросил я, – вы не против? То-то. А ведь даже это неадекватно. Подумаешь, всего-то простая пощечина! Но – пришел мир жестокости. Или время жестокости. Кого сейчас удивляют постоянные взрывы бомб в жилых кварталах или бомбежки с самолетов? И аппетита никому не портит. Сидишь так это за ужином, перед тобой на экране террористы взрывают кафе с толстыми юсовцами, юсовцы в ответ засыпают лагерь беженцев бомбами массового уничтожения, мы видим в цвете и с шикарным стереозвуком, как вместе с террористами разносит в клочья сотни женщин и детей... и со вкусом кушаем жареную курицу, запиваем вином или боржомом, потом на экране появляются кадры взорванного школьного автобуса, и мы под вкушание горячих жареных блинчиков с мясом смотрим, как вытаскивают окровавленные детские тела... Пришел другой мир, а мы все еще мямлим старые доктрины!

Я сам удивился горечи, что прозвучала в моих словах. Все молчали, смотрели на меня с удивлением и тревогой. Сигуранцев сказал негромко:

– Господин президент... вы никогда так раньше не говорили!

– У меня никогда так не трещала голова, – огрызнулся я.

Призрачной тенью появился Карашахин, даже не появился, а возник, я ощутил его лишь по листку бумаги, что опустился передо мной на стол.

– Самые последние данные по Рязанской области, – прошелестел над ухом серый вкрадчивый голос. – Прежде чем принести, я сам просмотрел их очень внимательно. Запросил дополнительные данные и еще раз перепроверил по другим источникам.

– Заслуживающим доверия? – спросил я.

– Заслуживающим, заслуживающим, – ответил он тихо и ровно, но мне почудилась не то насмешка, не то угроза. – Разве я не сказал, что перепроверил?

– Людям нужно доверять, – сказал я, – как говаривал великий вождь, но... перепроверять.

Никто не улыбнулся шутке, острить еще рано, это позволительно ближе к концу трудного заседания, все смотрят с ожиданием. Я быстро просматривал текст, а Карашахин спросил чуть громче, явно рассчитывая и на чуткие уши моей команды:

– На этот раз, похоже, вам все-таки придется... что-то предпринимать по Рязанской области.

Я поморщился, мало мне этой головной боли, еще полчаса терпеть, пока анальгин припутит, заинтересовался:

– И до чего договорились тамошние экстремисты? Пока не вижу никакой зацепки для тревоги.

Карашахин сказал настойчиво:

– Господин президент, раскройте глаза. Это говорят уже не экстремисты. Губернатор Рязанской области пообещал рассмотреть вопрос о возможности референдума по своей области.

Я сказал с раздражением:

– Они что, с ума посходили?

– Нет, господин президент, – ответил Босенко очень серьезно. – Там очень здравомыслящие политики. Правда, это сказано на охоте, в подпитии, но корреспонденты уже разнесли его слова по местному телевидению. Пошли слухи. Возможно, это провокация. Возможно, пробный камешек, чтобы проверить нашу реакцию. Вполне вероятно, полагают, что у нас не хватит воли стукнуть кулаком по столу.

Я покачал головой:

– Нет, Игнат Соломонович, об этом не может быть и речи. Никакого стучания кулаком. Меня избрали президентом не для этого... Более того, меня избрали из пятерых кандидатов именно потому, что я все-таки приверженец потерявшей в последнее время популярность политкорректности. Все-таки большинство в моей стране верит в торжество... ладно, может быть, даже не в торжество, но зато верит в справедливость идеалов добрососедства и в порядочность!

Он вздохнул, отступил, взор его погас. Я чувствовал душевный подъем, в груди зашипало, а сердце застучало чаще. Мы должны выстоять против разгула насилия в этом мире. Мы верим в гуманность, мы верим, что мир охватило временное легкое умопомешательство, верим, что все пройдет, и человечество устыдится вспышек раздражения, насилия,

– Я еще понимаю тревогу приморцев, – сказал я, – на земли которых нелегально пересекаются корейцы и вьетнамцы. Понимаю, хоть и с трудом. Действительно, корейцы и вьетнамцы – крупные нации...

Громов бросил с усмешкой:

– А для наших они все – китайцы...

Я кивнул:

– Вы правы, для простого человека это все китайцы. А этот простой человек слышал, что китайцев не то миллиард, не то сто триллионов, словом, вот возьмут и двинутся всей массой!.. Это еще понятно, хотя китайцев как раз среди переселенцев меньше всего. Но кобызы... не понимаю! Даже если выселятся из Узбекистана все до последнего человека, а там их осталось не больше сорока тысяч, и тогда на огромной Рязанщине ничто не изменится. Как было пять русских к одному кобызу, так и останется.

Павлов сказал осторожно:

– Я уже говорил, это сейчас пять к одному.

– Вы хотите сказать...

Он ощутил ловушку, но отступать не стал, твердо встретил мой пронизывающий взгляд.

– Да, я хочу сказать и говорю, что через двадцать лет их будет один к одному. А через двадцать пять – они станут абсолютным большинством, что имеет право вводить свои местные законы...

Я покачал головой:

– Вы хорошо знаете математику, это прекрасно. Даже не математику, а арифметику. Но арифметика неприменима в жизни, увы... Или к счастью. К жизни даже высшая математика неприменима, дорогой Глеб Борисович!.. Или вы не учитываете два чисто человеческих фактора: либо рождаемость в следующем поколении не просто замедлится, а упадет до среднерязанской, то есть у кобызов будет один ребенок на семью, либо же эти дети уже будут чувствовать себя русскими, говорить и дома на русском языке, а язык кобызов уйдет, забудется. Но, скорее всего, произойдет и то, и другое. Через двадцать лет в семьях молодых кобызов будет по одному ребенку, что будет считать себя русским и говорить на русском!

Павлов покачал головой:

– Нам бы ваш оптимизм.

Я спросил в упор:

– А что, мои прогнозы до сих пор не оправдывались?

– Оправдывались, – согласился он. – Но то ваши прогнозы.

– А это что, говорю не я?

Он снова покачал головой:

– Нет. Это я слышу уже давно из-за бугра. Совпало ваше мнение... или же повторяете – не знаю.

– Благодарю за откровенность, Глеб Борисович, – сказал я. – Я вас тоже просто обожаю.

Подошло время обеда, но никто не поглядывал на дверь, все еще расслабленные, как после бани. В глазах то и дело проскальзывают огоньки сожаления: эх, если бы этот довод всплыл на полчаса раньше, можно бы отхватить для своей отрасли ломоть пирога побольше... Окунев жрал бутерброды, жрал демонстративно, со злорадством поглядывая на тощего Сигуранцева, что бережет фигуру и каждую морковку взвешивает на аптечных весах, высчитывая калорийность.

Сигуранцев некоторое время размышлял, взгляд становился отстраненным, будто прислушивался к внутреннему голосу, наконец проговорил негромко, но тем тоном, который заставляет к себе прислушиваться:

– Я с вами не согласен, господин президент. В смысле, насчет сокращения рождаемости. То мы, а то – кобызы.

– Еще бы, – ответил я с сарказмом. – Ведь я – сраный демократ! Ладно-ладно, не двигайте бровями, я вас все равно ценю и уважаю, а на прозвища, которыми вы меня увешиваете за моей спиной, не обращаю внимания. Именно потому, что демократ. Фашист вас бы уже отвел в Тауэр да спросил бы с пристрастием: кто платит за такой неслыханный по наглости подрыв величия страны – юсовцы, арабы или китайцы?... Но я демократ, потому, хоть мне ваши клички... э-э... мои клички с вашей легкой руки не совсем ндравятся, но вас вешать все-таки не стану. И даже объясню, для вас – на пальцах, что сокращение рождаемости у человека – естественный процесс. Чем больше развит вид, тем меньше детенышей. Селедка мечет миллионы икринок, если бы все выживали, через пять лет мы карабкались бы по горам сельди. У развитых млекопитающих счет детям уже идет на единицы. У человека еще и длительное воспитание...

Сигуранцев сказал довольно:

– Селедка мечет миллионы, кобызы – десяток, русские – единицы. Что ж, тенденция...

Громов с готовностью хохотнул. Я сказал тем же покровительственным тоном:

– Причина понятна: более развитый мозг приходится доразвивать уже после рождения, а заодно и развивать. Чтобы освоить окружающий мир, уже мало развитого мозга, надо еще и уделять воспитанию ребенка все больше внимания и заботы. В элитных воинских частях на обучение одного солдата расходуется столько средств, сколько в простых частях на роту, верно? Зато такие командос пригодны к операциям, где не потянет целая дивизия простой портяночной пехоты. Так и ребенок, в которого вложили больше средств, способен решать более сложные задачи, подняться на более высокую ступеньку в обществе. Вот и вкладывают родители все, что могут оторвать от себя... Но даже зажиточные люди, что могут оторвать больше денег, не могут оторвать больше времени, ибо с каждым ребенком надо разговаривать, обучать, развивать, внимательно следить за ним, поправлять, подталкивать в нужном направлении. Понятно, что на десять детей, как у кобызов сейчас или у русских сто лет назад, внимания не хватит. К тому же сейчас обычно оба родителя работают!

Забайкалец слушал внимательно, в отличие от Агутина и Убийло, те перешептывались, изредка бросая на меня осторожные взгляды, то ли устраивали государственный заговор, то ли уговаривались после заседания пойти по бабам.

– Вы хотите сказать, – заметил он осторожно, – что у кобызов рождаемость должна падать?

– Да, – ответил я. – Как во всех развитых странах.

– Высокоразвитых, – сказал Забайкалец ехидно.

Я не понял, в чем шпилька, сказал тем же тоном:

– Упала же рождаемость у турок и курдов, переселившихся в страны Западной Европы?

– Да, – согласился Забайкалец, – на сотые доли процента.

Я сдвинул плечами:

– Скорее всего, ошибки в подсчетах. Наверняка злонамеренные. Есть факторы, от нас не зависящие, это как биение сердца или работа легких. Бежишь – дышишь чаще, да и сердце стучит, лег отдохнуть – все замедляется. Так и фактор, регулирующий численность семей. Пока кобызы будут рожать по десять детей, те будут копать в навозе. А кобызы тоже захотят, чтобы их дети жили «как люди».

Гусько сказал ровным голосом, не то поддерживал меня, не то опровергал:

– В России семь процентов населения имеет высшее образование. В Китае установка на то, чтобы уже в нынешнем поколении было сорок пять процентов с высшим.

Забайкалец не выдержал:

– В Китае? С его населением? Брехня!

– Почему? – удивился Гусько. – В развитых странах этот процент равняется восьмидесяти.

Забайкалец осел, шея покрылась багровыми пятнами, тяжело задышал, лицо постарело.

– Жить надо там, чтобы не было мучительно больно здесь... Понимаете, Терен Маркович, не ту страну назвали Гондурасом! Я сам видел объявление на входе в Макдоналдс: «Специальные 50% скидки для русских: Вы покупаете два гамбургера по цене четырех – и еще два получаете бесплатно!»

Новодворский жирно хохотал, розовые щеки колыхались, как студень.

– Что вы хотите, – проговорил он, хрипя и булькая, – русский человек не может рассуждать здраво и трезво... одновременно. Потому эти объявления для него в самый раз!

– Русскому человеку, – сказал Башмет лстыиво, – одной бутылки мало, две много, а три в самый раз. Говорят, что любить водку, халаяву, революции и быть дураком – еще недостаточно, чтобы быть русским, но я этого не понимаю... Почему недостаточно?

– В России много непонятного, – сообщил Шандырин. – Говорят же, что умом Россию не понять. Разве что задним. Вот еще Россия – мировой лидер по числу непонятных праздников. Но это только европейцам да трезвым людям они непонятны. А по числу трезвых Россия в лидеры выходить пока не собирается.

– Российская история развивается не по спирали, – вставил Гусько, – а по штопору. Стакан, наполовину заполненный водкой, оптимисты считают полуполным, пессимисты – полупустым, а русские... ха-ха-ха... почти пустым...

Сигуранцев наблюдал за ними исподлобья, лицо как высечено из гранита, только в глазах вспыхивают огоньки. Что-то из шуточек нравится, даже вижу – какие, что-то коробит, он хоть и демократ, но без ненависти демократов к России, без их стенаний, что с их умом и талантами угораздило родиться в России, а не баронами в Англии или сынками миллиардеров в Юсе.

– Русские долго запрягают, – сказал он с непонятной интонацией, помедлил и закончил неожиданно: – а потом на них быстро ездят! Но эти ездуны забыли, что нация, которая ест макароны с хлебом, – непобедима!

И снова непонятно, то ли насмехается над русскими, то ли гордится.

Глава 8

В комнату скользнула некая тень, это помощник Карашахина, начальник канцелярии ухитрился подобрать себе людей, еще более неприметных, чем он сам. Карашахин, не отрывая от меня взгляда, приподнял руку, помощник ловко вложил в щель между пальцами патрона нечто блестящее, лазерный диск нового поколения, размером чуть больше пятака, тут же испарился, как капля пота в горячем воздухе.

– Господин президент, – сказал Карашахин бесцветно, но в голосе настойчивость, – по моей просьбе техник подготовил две записи... короткие, необременительные, как раз для такого отдыха...

Тон не понравился, но я видел повернутые в нашу сторону головы, прислушиваются, гады, на них и рассчитана реплика Карашахина, махнул рукой:

– Ну и что?

– Позвольте мне показать две записи?

Я улыбнулся:

– Вам? Да смотрите сколько влезет. Только не здесь, я работаю.

Он чуть смутился или сделал вид, что смутился.

– Простите, господин президент, я не часто выступаю перед народом, чтобы так тщательно следить за словами. Я имею в виду, показать вам.

Чувствуя маленькую победу, как мало человеку, даже президенту надо, чтобы ощутить превосходство, я благосклонно кивнул, чувствуя, как дурное настроение рассеивается.

– Что у вас? Опять порнуха?

– Сами оцените, господин президент, – ответил он уклончиво. – Каждый видит в меру своей... гм... Главное, обратите ваше высокое внимание на цифры. Уж они-то не врут, можете сто раз перепроверить по другим каналам. А выводы делайте сами.

Я буркнул:

– Я и так их сам делаю. Или намекаете, что мне ЦРУ платит? Давайте ваши цифры.

Карашахин вставил диск, некоторое время усиленные фаерволы проверяли на червей, троянов, полиморфов и прочую дрянь, мы терпеливо ждали, у президентской системы и должна быть самая мощная защита, наконец на главном мониторе появились переселяющиеся на старых грузовиках худые оборванные люди, больше похожие на бродячее племя цыган. Поднималась пыль за стадом таких же худых изможденных коров, что своим ходом двигаются из далекого Узбекистана. В кузовах грузовиков с хлюпающими деревянными бортами тесно сидят, кутаясь в серые, покрытые пылью платки, женщины и дети.

– На дворе еще Советская власть, – прокомментировал Карашахин, – но уже рухнула Берлинская стена, немецкий летчик Матиас Руст перелетел границу, которая, оказывается, вовсе не охранялась, и посадил самолет прямо на Красной площади. Кобызы снялись с голодных мест в Узбекистане и двинулись на просторы России. К счастью, предпочли поселиться компактной группой, так хоть сосчитать их можно!.. Переселилось их около тридцати тысяч человек...

Я сказал нетерпеливо:

– Капля в море. На Рязанщине семь миллионов русских, украинцев, белорусов... Что еще?

Он кивнул, не спорил, сказал вкрадчиво:

– Господин президент, но сейчас их около трехсот тысяч.

Я вскинул брови:

– Ого! К ним переселились еще?

– Нет, господин президент. Размножились на месте. Это у местных рязанцев по одному ребенку на семью, из-за чего Рязанщина и вымирает, а у этих – по семь-двенадцать!

Я подумал, подвигал кожей на лбу, так создается приток крови к лобным долям мозга, спросил тупенько:

– Ну и что?

– Господин президент, – сказал Карашахин проникновенно, – это же кобызы!

– Ну и что? – спросил я снова. Добавил: – Господин Карашахин, вы никак националист?.. А то и русский шовинист вовсе?

Это уже дежурная шуточка, демократы с этим навешиванием на каждого с ними несогласного ярлыков типа «националист», «русский шовинист», «русский фашист» настолько достали всех и превратились в посмешище, что уже все называют друг друга так, прикалываясь, отшатываясь в притворном ужасе, а у тинейджеров вошло в моду ссылаться на фашизм по любому поводу: не пойду с тобой пить пиво, ты ж фашист, или же – пойду с тобой пить, мы ж гады, фашисты!

– Ах, господин президент, – ответил Карашахин проникновенно, – это значит, что с этого года начинается размножение поколения, родившегося здесь. И при этих темпах триста тысяч превратятся в три миллиона уже за жизнь одного поколения. А три миллиона – это... это Эстония и Латвия, вместе взятые!

Он двинул пальцем, изображение моментально сменилось, Карашахин сказал ровным голосом:

– Выступления духовного главы кобызов Али Аддина. Они его называют верховным муфтием, хотя среди муфтиев, я проверил, такой не числится.

Я отмахнулся:

– Признание других богословов не так важно, если признает народ. И слушается. Ведь слушается? То-то же. Хорошо, давайте.

Худой мужчина с пылающим взором, возраст средний, лицо заостренное вперед, с резкими чертами, явно не диетой держит фигуру, орлиные блестящие глаза, буквально заораживающие, в гипнотизерах такому бы цены не было, смотрит прямо в экран, голос звучит с пылкой благодарностью:

– Я посетил все села, где сейчас расселяются кобызы. Моя душа потрясена, а благодарное сердце не находит слов, чтобы выразить всю полноту чувств, которую испытываю... которую испытывает каждый кобыз к русскому народу!..

Он выглядел прекрасно, на мой придиричивый взгляд, эдакий Моисей, выведший народ из узбекского плена, но если люди Моисея после сорокалетнего скитания по пустыне, добравшись до зеленых просторов Палестины, начали жечь города и села, убивать всех людей, скот, рубить сады и ломать жилища, то кобызы пришли, как погорельцы, а русское сердце чувствительно, как у всякого бедняка к другому бедняку, которому, оказывается, еще хренее...

– Русские люди приютили нас, – продолжал муфтий, – обогрели и накормили. Обогрели своим сердцем, приютили в необъятной России, наполнили наши души чувством благодарности к великому русскому народу, такому щедрому, великодушному...

Павлов бесстрастно молчал, поблескивал темными глазами. А Громов хмыкнул, толстые губы раздвинулись в сардоническую усмешку:

– Приютили... это от нашей бездумной щедрости. Американец погорельцу деловито подыскивает работу, а наш русский снимает последнюю рубаху и бездумно отдает. Насчет земли еще смешнее. Русские и не понимают, что они в самом деле приютили, дали кобызам землю.

– Но как же...

– А русские никогда не считали ее своей. Всегда княжеской, барской, помещичьей, колхозной, а теперь снова государственной... Так что, по мнению рязанцев, кобызы как бы захватили чужую, государственную, а не их землю, русскую...

Карашахин двинул пальцем, изображение прервалось.

– Дальше в том же духе минут двадцать, – сказал он хмуро. – Не буду отрывать от важных... скажем даже, государственных дел, Агутин, вы бы хоть бутылку под стол, перейдем сразу к последнему выступлению, состоявшемуся вчера.

На экране тот же муфтий, я бы не назвал его раздобревшим, все такой же худой и хищный, с пылающим внутри огнем, что сжигает внутренности и выдает себя неестественным блеском глаз, но все же иной, почти не постаревший, хотя восточные народы сжигают себя быстрее живущих в северном климате. На этот раз на плечах дорогой халат, переливается серебряным блеском, словно солнечные зайчики по бегущей воде, на голове роскошная чалма с зеленым верхом и крупным красным пером.

Карашахин подвигал изображение, явно пропуская цветистое вступление, картинки исчезали, появлялись, наконец осталась, где муфтий говорил приподнято и торжественно:

– ...спасибо за возможность жить своим укладом, по своим обычаям, за возможность изучать свой язык, свою культуру. У нас маленький народ, но с великим и гордым прошлым, мы не хотим, чтобы молодежь забывала о наших обычаях, потому просим позволить не только совершать обряды по нашим обычаям, но и позволить вести судебные дела в соответствии с обычаями нашего народа...

Громов буркнул:

– Это кровная месть, что ли?.. Или умыкание невест?

– Тихо, – шикнул Забайкалец. – Тебе бы только невест умыкать...

– Наши обычаи, вы сами видите, не давали ему раствориться среди других народов в течение тысячелетий...

– Ага, миллионов лет, – снова буркнул Громов.

– Не завидуй, – шикнул опять Забайкалец.

– Это я завидую?

– Ты.

– С чего бы это? Наша история тоже длинная! Вот когда этруски и пеласги...

Я сказал раздраженно:

– Умолкните или выставить? Пеласги!

– ...на всех поселениях, где живут кобызы, – продолжал муфтий. – или где их количественно больше. А в тех селениях, где русских больше, можно проводить референдум со свободным волеизъявлением: какой суд они предпочитают – российский или кобызский?

Павлов ругнулся:

– Сволочь! По самому больному месту. Наша юриспруденция самая нелепая! Конечно же, русские предпочтут кобызскую.

– А какая она? – спросил Забайкалец.

– Да какая разница? – огрызнулся Сигуранцев. – Любую возьми, не глядя, уже лучше нашей. Кобызы уж точно убийцу не станут осуждать на два года с отбыванием в камере с телевизором и правом досрочного освобождения!

– ...за кобызскими общинами должно быть закреплено право устанавливать свои законы в пределах их компактного проживания, – доносился с экрана мерный и очень уверенный голос. – Это несколько не ущемляет права проживающего там русского населения.

Громов сказал хмуро:

– А кто не желает подчиняться кобызским законам, может уе... в смысле удалиться за пределы их конклава. Или анклава.

– А потом еще раз удалиться, – сказал Забайкалец, – когда анклав расширит свои границы. И еще. И еще. Пока не окажется на Чукотке.

– Или в Арктике, – бросил Сигуранцев с нервным смешком. – С пингвинами.

– Пингвины в Антарктиде, – поправил Каганов.

– А разве она не в Арктике?

Ответить тот не успел, снова вошел бесплотный помощник Карашахина, поклонился. Карашахин принял из его рук тонкую красную папку и, сделав к столу пару шагов, осторожно положил передо мной, словно это бомба с нестабильным взрывателем. Судя по надписи, документы в папке касаются культурных связей, я сразу вздохнул с облегчением. Культура – это безопасно, во всяком случае, опасность невелика и не сразу заметна, намного больше неотложных дел... Взгляд, перескочив десяток верхних строк, зацепился за текст, пару секунд я сканировал, члены кабинеты вежливо молчали.

– Ну вот, – сказал я кисло, – английские деятели культуры просят разрешения посетить расселения кобызов, ознакомиться с особенностями их культуры. Обычное дело, но Всеволод Лагунович и тут увидит происки империализма.

Карашахин спросил хмуро:

– А вы не видите?

– В упор не вижу, – ответил я сердито. – Обычная практика. Не так уж много осталось на земле народов, что все еще цепляются за свой язык, веру, имена, традиции. Все спешат перейти на английский, вот Татарстан переходит на латиницу, Башкирия... А просится к нам всего лишь какая-то группа по культурным связям. Не парламентарии, не члены конгресса.

– Все еще впереди, – произнес Громов зловеще. – Накаркаете.

– Это Карашахин накаркивает, – указал я. – Нельзя во всем видеть происки...

Павлов сказал неприятным голосом:

– Да, всего лишь культурные связи, пробный шар. Но абсолютно ясно, что вернутся в Англию с докладом, что кобызы – дружественный к Англии народ, который надо всячески поддерживать и оберегать от злых русских.

Забайкалец сказал тоскливо:

– И начнется это давление по линии ПАСЕ, ЮНЕСКО, МАГАТЭ, ФИДО, ОБСЕ, НАТО, СЕАТО, МВФ...

Сигуранцев кивал, только при каком-то слове насторожился, но Забайкалец перечислял и перечислял инструменты, которыми можно любую страну вздернуть на дыбу, а не то что согнуть в нужную позу, и он помрачнел, как и все в комнате. Павлов прав, кончилась короткая эра абсолютной независимости государств, когда любой взгляд расценивался как вмешательство во внутренние дела суверенного государства. Сейчас отвечают: да, вмешиваемся! Человечество едино, мы у себя в благополучной стране не можем смотреть спокойно, когда рядом угнетают наших сородичей, то есть людей. И неважно, что в ответ оттуда кричат, что это у нас благополучная, а у вас угнетение, это мы должны к вам вмешиваться, главное в другом: границы уже почти рухнули, существуют только для передвижения больших армий, а вот так вмешиваться вроде бы можно и даже нужно.

Я проговорил как можно тверже:

– Я не понимаю, почему мы должны расценивать визит английских культурологов как угрозу нашей стране. Похоже, мы инстинктивно рассматриваем все как угрозу, особенно этих несчастных кобызов, что естественно...

– Угроза? – спросил Сигуранцев живо.

Я поморщился:

– Восприятие как угрозы. У нас демографическая пропасть, уже редкая семья заводит больше одного ребенка, на этом фоне кобызы выглядят угрозой... Надо ли вам объяснять прописные истины, почему в семьях кобызов уже во втором поколении будет по одному-два ребенка?

Забайкалец сказал невесело:

– Турки и курды, переселяющиеся в страны Западной Европы, – одно, а кобызы – другое.

– Но почему? – спросил я. – Почему для них особые законы?

– Турки и курды во Франции и Германии – всего лишь переселенцы, а кобызы – народ. Целый народ, что сейчас в стадии пассионарности. Я бы даже сказал, в самой высокой стадии! Для них это – прекрасно, для всех окружающих – опасно. Просто смертельно опасно. Мы просто забыли в своем невежестве, что когда наступали чрезвычайные обстоятельства, то люди плевали на все юридические законы и даже морали и поступали... чрезвычайно. Когда по средневековой Европе прошли две чумы вслед за разрушительными войнами, папа римский декретом разрешил мужчинам брать в жены столько женщин, сколько смогут прокормить и обеспечить. Всем одиноким женщинам предписал рожать от кого угодно, мол, все – дети Божьи. Да, так было! С разрешения и настойчивого побуждения церкви. Этими чрезвычайными мерами удалось поднять численность населения до прежнего уровня... А тем временем потихоньку отказывались от чрезвычайщины, вернулись к строгим нормам единобрачия...

Громов буркнул:

– А как в нищей и вымирающей Германии, где уже никто не хотел рожать, прибегли к искусственному осеменению? Дебилов пустили под нож, а здоровых женщин в тюрьмах заставили непрерывно рожать. И страна мало-помалу наполнилась народом.

Сигуранцев подсказал негромким голосом:

– А тот на шумевший расстрел безбилетников? Или расстрел тех, кто гадил в общественных туалетах мимо унитаза? В один день Германия стала самой чистоплотной страной в мире!.. Но так как никто не признается, что просто боится наказания, всякий с важным видом говорит детям, что, мол, как некрасиво писать мимо унитаза, как безнравственно ездить в трамвае или поезде без билета, как нехорошо материться на улице или бросать обертку от мороженого мимо урны!

Я поднялся, руками оперся о стол, в голос подпустил строгости:

– Совещание окончено. Господа демократы, фашисты, тотитаристы и общечеловеки – все свободны! Благодарю за содействие.

Глава 9

Сердце словно окаменело, в черепе грохочут молоты по звонкой, как литавры, наковальне. Пока шел по коридору, в глазах потемнело, пришлось ухватиться за стену, переждал, в черноте мелькали блестящие мошки, во всем теле слабость, колени подгибались, но я заставил себя добраться до Владимира Львовича, дежурного медика, он всего через два кабинета.

Он подхватил под руку, я ощутил под собой мягкое сиденье, в руку чуть повыше локтя кольнуло. Над ухом журчал успокаивающий голос:

– Все-все, теперь в полном порядке!.. Вы успели вовремя. Дальше рутина, никакого экстремизма.

– Да, – прошептал я, – а это что?

– Перегрузка, – объяснил надо мной голос. Тьма рассеялась, проступило пока еще расплывающееся лицо Владимира Львовича, бледное и встревоженное. – Вы зря отказываетесь вставить чип под кожу. Зато мы на расстоянии знали бы все ваши характеристики... Задолго до приступа, под вашей дверью...

– С носилками?

– Судя по обстоятельствам, – ответил он уклончиво. – Иногда можно снять и таким вот простым уколom. Полежите вот здесь на кушетке, а я заодно сниму кое-какие данные, раз уж представился случай...

Я терпеливо ждал, пока он и появившаяся медсестра прикрепляли к моей груди, голове и рукам множество датчиков. Прикосновения успокаивающие, едва слышные. Я чуть не задремал, лекарство нагоняет сонливость, слышалось легкое жужжание, сервомоторчики что-то перематывают, двигают, сами переползают вокруг кушетки, даже ее поворачивают... или это в голове у меня все начинает поворачиваться, наконец вблизи раздался осторожный голос:

– Дмитрий Дмитриевич, как вы себя чувствуете?

Я поднял веки, Владимир Львович деликатно присел на край стула напротив, в глазах тревога, лицо застыло, стараясь не выдавать эмоций.

– Прекрасно, – сказал я саркастически. – Сейчас напьюсь и пойду по бабам. Если ветра не будет.

Он скупно улыбнулся:

– По бабам – можно, но если их самих будут приводить. Но все равно бы не советовал. Нагрузка на сердечно-сосудистую систему возрастает многократно, а у вас и так... гм... Слышали небось анекдоты про бизнесменов, что на бабах помирают?

– Слышал.

– Так вот, то не анекдоты.

– Спасибо, – поблагодарил я еще саркастичнее. – Что мне еще нельзя?.. Как насчет дышать?

– Можно, только не слишком часто. У вас слишком большой букет...

– Чего? – спросил я. – Рак еще не добавился?

Он отшатнулся, замахал обеими руками:

– Как вы можете такое? Сплюньте немедленно!

– Тоже мне медик, – уличил я. – В приметы верит!

– Я не верю, – огрызнулся он, – но это в самом деле помогает. Человек с плевком как бы выбрасывает часть порчи. Сейчас бы сказали, негативной энергии.

– Политик не имеет права верить, – ответил я устало. – Так что там у меня?

Он подумал, сказал осторожно:

– Есть мудрость в расхожей фразе, что все болезни от нервов, уже слышали? Только... гм... Вы чересчур зажаты, господин президент. Не понимаю, что в вас такое происходит, ведь

первая половина президенства была куда труднее!.. Особенно первый год. Предшественник такие завалы и проблемы оставил... но тогда ваше здоровье было не в пример лучше. Сейчас вас нечто грызет изнутри. У меня все данные вашего организма вот на харде, триста гигабайтов занимают, вроде бы все в норме или почти в норме, но в то же время происходит что-то нехорошее...

– Что?

Он развел руками:

– Откуда я знаю? Это вы мне скажите. Есть люди с рабоче-крестьянской психикой, им все по фигу, а есть ранимые натуры, что при всем железном здоровье могут в одночасье сгинуть от инфаркта, инсульта и прочих гадостей, едва узнают, что их ребенок получил двойку по математике!..

– Это я ранимая натура? – удивился я.

Он покачал головой:

– Слава богу, у вас как раз рабоче-крестьянская. Вы малость туповаты, господин президент, и к тому же недостаточно чувствительны. Это и позволило вам при несомненном уме достигнуть высот, не обращая внимания на те мелочи, от которых чувствительные сыграли бы в ящик. Но сейчас появилось нечто такое, что неумолимо разрушает даже ваше железное здоровье. Я не знаю, что это, а вы как о стул... головой бей. В смысле, как кистеперая рыба об лед. Только стул да лед вдребезги! Так что, не будучи психоаналитиком...

– Избави боже, – сказал я с отвращением.

– Вот-вот, будучи нормальным медиком, могу только порекомендовать смену деятельности.

– Ну-ну, – спросил я с подозрением. – Что это?... Голых баб в сауну?

– Думаю, вы и сейчас этим не обделены, а ничто так не сокращает жизнь, как сауны и бабы в саунах. Надо бросить это президентство, уехать в село и засесть на пару месяцев с удочкой над заводью, где хорошо клюет. И вообще не возвращаться в Москву. Здоровье дороже.

Я буркнул:

– Да-да, плюй на все и береги здоровье, это я слышал.

– Теперь это целая философия, – сказал он с двусмысленной улыбкой.

Я отмахнулся:

– Ладно-ладно, верю. Вы ведь повторили слово в слово все, что сказал Чазов. Вряд ли сговаривались, хоть вы все и шарлатаны. Чазов слишком горд и уверен в своем деле. Но только никто из вас не может сказать, сколько мне еще осталось. А мне это надо знать... Полгода протяну?

Он помедлил, сказал с осторожностью, уклончиво, глаза отвел, я видел, как на столе появлялись светлые полосы, будто по ним водили влажной тряпкой, это он елозил взглядом:

– Если протянете, то... потом, на пенсии, можете долгие годы жить с удочкой в руке. Может быть, даже играть в теннис. Или хотя бы фотографироваться с теннисной ракеткой. Наш организм... гм... у него такие запасы живучести...

– Сколько? – спросил я в упор.

Он пожал плечами:

– Было бы шарлатанством назвать точный срок. Вы можете ощутить приступ вот прямо сейчас, выходя из этого кабинета. А можете протянуть еще два-три месяца.

– Спасибо на добром слове, – сказал я.

Он ответил очень серьезно:

– Мне платят не за добрые слова.

Через неделю, когда Карашахин в очередной раз появился с бумагами, я поинтересовался не без ехидства:

– Ну что там с судом шариата? Я имею в виду, у кобызов?

Он остро поглядел мне в глаза.

– Вы оказались правы, предложение не прошло. Там, на месте. Нам не пришлось вмешиваться, напоминать о федеральном законе и прочих неприятных вещах. Однако, господин президент, активность этих группировок все же набирает обороты. Группа «Воины 30 ноября» вообще потребовала автономии Рязанской области.

– Это самая экстремистская группировка?

– Вы как в воду смотрите, господин президент.

Я отмахнулся:

– Тут не надо быть особо прозорливым. Кто еще предложит, кроме самых осумасшедших?

Он слегка поклонился:

– Мир сумасшедшее, господин президент.

– Но не до такой же степени?

– Будем надеяться, господин президент. Впрочем, вы сами говорили...

Я проворчал:

– Говорил, но я, как бы это, предостерегал! Накаркивал. Чтоб не случилось.

– Будем надеяться, – повторил он, – что не накаркали...

– Надеяться? – отмахнулся я. – Вы бы неплохо в поповской рясе смотрелись. Политики не надеются, они люди трезвые.

Он уставился на меня ничего не выражающими рыбьими глазами.

– И что вам подсказывает ваша трезвость, господин президент?

– Всеволод Лагунович, – сказал я проникновенно, – меня избрали всенародным голосованием. Это значит, что я – выразитель мыслей и чувств ста сорока миллионов россиян. Объясняю на пальцах, раз уж вы не желаете вылезать из танка: то, что говорю или чувствую я, то же самое говорят и чувствуют сто сорок миллионов. Потому мне не требуются дорогостоящие опросы общественного мнения, чтобы узнать, что и как думает Россия. Мне не требуются даже подсказки специалистов, как мне поступить, чтобы быть понятым народом! Как бы я ни поступил, так бы поступил усредненный россиянин. Потому я сейчас просто отмахиваюсь от ваших нелепых предостережений. И вся Россия в моем лице отмахивается.

Он кивнул, сказал тем же неприятным базаровским голосом:

– Вам бы еще напиться, господин президент, чтобы уж совсем в выразители облика России. А завтра на службу с побитой мордой, порванной рубахой и помадой на воротнике. Уверен, на очередных выборах победили бы с треском!

– Увы, – сказал я, – я уже отпрезидентился. Хотя почему «увы»? Жизнь не заканчивается...

Я прислушался, тяжелая дверь отсекает все звуки, однако Карашахин заметил:

– Громов уже прибыл. Военный человек, а такая неточность, приходит всегда раньше. Зачем?

Я отмахнулся:

– Да просто раньше. Зачем всегда искать ответ на вопрос «зачем»? Зови, у меня к нему пара вопросов.

Карашахин вышел, вернулся уже с двумя, следом за Громовым вошел Павлов, свежий, бодрый, хищный, мокрые от легкого дождика волосы стоят торчком, остроконечные уши блестят, как покрытые пленкой.

Он крепко и энергично пожал руку, в глазах смех.

– Чего такой печальный образ? Еще Россия не погибла!

– Да вот Карашахин кобызами достал, – пожаловался я. – Везде у него кобызы... В Ставрополе обещают засуху, я уже знаю, что Громов отыщет в этом происки юсовцев, Новодворский – косорукость и пьянство русских, а Карашахин – кобызскость...

– Кобызскость, – одобрил Павлов, – это хорошо. Или кобызность?.. Потом утрясется.

– Считаете, что будет чему утрясаться?

Павлов взглянул остро, будто кольнул шилом.

– А почему нет? Россия как территория – лакомый кусок. Тем более что в мире пока еще доминирует, хотя бы на бумаге, юсовское определение, что человек свободен селиться везде, где изволит! И никакие местные законы и обычаи тому не помеха, ибо если они против, то это следствие устаревших взглядов, что тормозят победное шествие культуры, гуманизма и прогресса по-американски. И потому любой пьяный негр может поселиться хоть в Париже, хоть в Дрездене, хоть в Эль-Риаде, и никто не смеет ему мешать ни в праве на жительство, ни в осуществлении своих прав на собственную культуру, к примеру, жечь костры на площади и жарить свинину на улицах Эль-Риада, плясать с бубном вокруг тотема, совокупляться с себе подобными, животными или трупами, лишь бы не рисовал свастику и не критиковал общечеловеческие ценности.

Карашахин слушал с интересом, Громов тоже, кивал. В кабинет вошли Новодворский, Забайкалец и Сигуранцев. Новодворский сразу поморщился, эстет хренов, Павлов покосился на него недобрый глазом.

– Но в то же время, – продолжил Павлов, чуть повысив голос, – отдельные общества уже встали на защиту своих интересов. Интересов общества, что есть всего лишь совокупность отдельных интересов составляющих это общество людей. У них нет законов, они сами почти вне закона, но они борются, чувствуя инстинктивно свою правоту, понимая свое право на защиту своих общин, регионов, стран, что бы там ни говорил заокеанский жандарм.

– Ах-ах, – сказал Новодворский. – Жандарм, прямо-таки жандарм!.. Рукописи не горят, дорогой Глеб Борисович, не знали? Андрей Дмитриевич Сахаров – совесть нации – с вами бы не согласился! Пастернак – великий поэт – сказал бы, что Россия ответит за все...

– А Сергей Адамович Ковалев – спаситель России, – добавил Павлов, – знаем-знаем, слышали. И о нашем преступном режиме слышим. Так вот среди народов, что пытаются защититься от заокеанского жандарма, и возникают «экстремистские» организации и движения, в которых экстремисткости только то, что хотят жить чисто и нравственно, не позволять детям и соседям превращаться в гомосексов, наркоманов, хотят оградить свою общину от наплыва «чужих»... Кстати, а почему не имеют права? Почему наркоман и спидоносный негр из глубин Африки имеет международное право... подумайте, слово-то какое!.. имеет право поселиться посреди, скажем, Цюриха и проповедовать там однополую любовь, а община не имеет права даже на такую малость, как хотя бы повесить?

– Вы хотели, – сказал с недоумением Новодворский, – сказать «выселить»?

– Ну да, а я как сказал?

Сигуранцев и Забайкалец сдержанно хохотнули, на бледных губах Громова и Карашахина появилось подобие улыбок.

– Сказали то, что сказали, – заметил Новодворский, – пожалуйста, продолжайте. Ваша оговорка сказала больше, чем вся пламенная речь.

Карашахин с ехидной улыбкой достал наладонник и постучал по клавишам: собирает оговорки политических деятелей, потом вешает на своем сайте. И хотя скрывает, что сайт принадлежит ему, зарегистрировал под ником, но все в мире оставляет следы, он слишком наивен, если думает, что в электронном мире что-то можно скрыть.

– Но сейчас, – продолжил Павлов, он с подозрением поглядывал на Карашахина и слова строил тверже, строже, приглядывая за ними, чтобы не разбежались, как бараны, – сейчас смутное недовольство наконец-то прорвалось. Везде берутся за оружие. Правда, здорово запоздали,

ибо эти негры, арабы, турки, поселившиеся в Европе и размножающиеся бешеными темпами, тоже берутся за оружие. Сейчас уже встал вопрос: останется ли Европа за белой расой или же станет анклавом исламских государств, где белое население окажется сперва в изолированных поселениях, потом в гетто, а затем их будут использовать лишь для жертвоприношений?

– Остапа понесло, – сказал Новодворский с удовлетворением. – Полагаю, после такой пламенной речи надо поаплодировать и перейти к следующему вопросу. А этому поставить оценку только за артистичность.

Павлов побледнел от скрытого оскорбления. Громов и Сигуранцев уже зашуршали бумагами, Забайкалец открыл ноутбук, похоже, они тоже предпочли бы заниматься более приятными вопросами, так многие из нас избегают визита к дантисту, а зуб все разрушается, разрушается.

На большом экране старый грустный негр, очередной генеральный секретарь ООН, вяло зачитывал обращение ко всем народам мира с призывом начать немедленную борьбу с наркоманией. Эпидемия наркомании, читал он по складам, охватила все континенты, процент безнадежно испорченного генофонда приблизился к критическому, возможно, для человечества уже сейчас нет возврата, и генетический фонд испорчен безвозвратно...

Павлов добавил с издевкой:

– Это для Запада уже нет возврата! И для России. Эти народы исчезнут скоро, вымрут сами. Европа, Америка и Россия уже стали сплошными наркопритонами. Зато уцелеют арабские страны, там не употребляют...

– В Китае немедленный расстрел, – добавил Сигуранцев. – Но ведь там эти... тоталитаристы! Перед правами человека не падают мордами в грязь.

Громов сказал зло:

– В Китае издавна почтение перед правами общества и пиетет перед государственностью. Это у нас друг друга обвиняют в почтении перед государственностью, а сами друг перед другом щеголяют «революционностью»: кто смачнее плюнет в государственную власть. Каждый хвастается, что не выполняет ни одного закона, а в прессе публикуются способы, как уходить от налогов, как не платить их вовсе.

Он посмотрел недобро на Новодворского. Я отключил экран, в помещении слегка потемнело, зато пошел ровный деловой свет от экранов ноутбуков. Да, вот такие у нас дисплеи, светятся здоровьем.

– Итак, – начал я. – Все-таки меня тревожит наше положение в мире. С одной стороны, вроде бы хорошо, что самоустранились – все тяжесть легла на США, теперь они – единственная супердержава, и все шишки в нее, с другой – плохо то, что с нами перестали считаться вовсе. К тому же сохраняется старая вражда и настороженность, слишком велико желание добить упавшего гиганта...

– Мы не упали, – возразил Громов раздраженно. – Мы не проиграли в «холодной войне», как утверждает Новодворский и всякие юсовские прихвостни, а просто вышли из нее! Потому что, когда дерутся два тигра, от этой схватки выигрывает только сидящий на пальме китаец. Мы оказались умнее, первыми прекратили бессмысленную драку!

– Хорошо-хорошо, – кивнул я успокаивающе, – пусть так, мне такая трактовка нравится больше. Но дело в том, что мы в немалой изоляции. Друзей разом растеряли, а симпатий бывших врагов не приобрели. Сами по себе симпатии – фигня, но на симпатиях и доверии зиждется приток инвестиций, увы. К примеру, в коммунистический Китай страны Запада, а также США вкладывают сотни миллиардов долларов, там строятся новейшие фабрики пятого поколения по производству суперновых компьютеров, ноутбуков, вычислительных станций...

Сигуранцев сказал громко:

– Вот-вот, в экономику коммунистического Китая!.. И после этого США будут говорить, что они боролись против коммунизма, а не против России?

Я посмотрел строго, перебивать президента – чересчур, Сигуранцев стушевался, я продолжил настойчиво:

– У нас сейчас прикидочное совещание, никаких решений принимать не будем. Нам следует только четче обозначить ориентиры, где находимся, к какому берегу плыть, какой политики держаться в этом быстро меняющемся...

– Стремительно, – подсказал Павлов.

– Стремительно меняющемся мире, – согласился я.

Из щели его ноутбука выполз лист, Павлов его сперва не заметил, глядя на меня, листок подкрался к его руке и уперся аккуратно обрезанным краем, смешно выгнув белую спинку, как котенок, что старается выглядеть большим и страшным. Павлов опустил глаза, я видел, как дернулись глазные яблоки, быстро схватывая взглядом текст, затем взял и, не глядя, передал мне. Бумага еще хранила тепло разогретых недр вмонтированного в сверхплоский ноутбук принтера.

– Новейшие данные, – пояснил Павлов. – Взгляните, господин президент!

Я взглянул, сердце тревожно дернулось, я спросил враждебно:

– Опять кобызы? Ну и чем эти данные отличаются от тех, что у меня в файле? Или полагаете, что у вас могут быть более точные сведения? Мол, президента обманывают, а вы, такой проницательный, всех видите насквозь?

– Посмотрите данные, – сказал он настойчиво. – Состав населения, не спорю, в наших бумагах совпадает. Но есть ли у вас данные, сколько среди кобызов уже создано групп и обществ по изучению своей культуры?..

– Ну и что? – поинтересовался я.

– Что? С этого все и начинается! Везде одинаково. Хоть в Чечне, хоть в Татарстане, хоть среди кобызов. Этих обществ восемнадцать, не много ли? Ладно, опустим. На первом этапе в самом деле изучали подзабытую культуру и заново учили язык, довольно неудобный, затем на базе этих обществ начали создаваться крайне левые группировки, претендовавшие на более правильное толкование ислама, а затем уже вооруженные формирования...

– Что-о?

– Да-да, вооруженные пока что охотничьими ружьями. Как заявлено, для защиты от русских хулиганов.

Новодворский сказал брезгливо:

– Все верно. Нет ничего хуже и опаснее, чем пьяный русский мужик. Он и мать родную убьет спяну. А потом, протрезвев, пойдет вешаться. От таких каждый имеет право защищаться.

Я поморщился, спасибо за такую поддержку, Громов же добавил раздраженно:

– Если бы ограничились охотничьими!

– А что еще?

– Поступили данные о настоящих вооруженных формированиях...

Сигуранцев фыркнул:

– Долгопрудненская группировка вооружена не хуже. И народу в ней побольше, чем всех кобызов на свете, вместе взятых! И что же, их тоже считать подпольной армией?

Я кивнул, у населения оружия столько, что хватит на две наши армии, только танков и тяжелой артиллерии нет пока что. А бандитские группировки вооружены иной раз круче спецназа, что отправляется их арестовывать.

– Если это все...

– Не все, – ответил Павлов быстро. – Не все, господин президент! В школе села Росляково уже создан класс, специально для детей кобызов, где преподавание ведется на их языке. Этого я что-то не понимаю! У нас есть специализированные классы, где ведется преподавание на английском, немецком или французском, но чтоб... на кобызском? И где, на Рязанщине?

Я поморщился:

– О чем мы говорим? Нам нужно поискать выход, как осторожно выводить Россию из изоляции... всю Россию!.. а вы о какой-то Рязанщине. Даже не Рязанщине, а ее крохотном уголке, где поселились несчастные беженцы. Давайте вернемся к главному вопросу и... постараемся не отвлекаться. Глеб Борисович, к вам это относится в особенности.

Глава 10

Еще через неделю я проводил совещание по энергетике и участвовавшим катастрофам на нефтепроводах. Оборудование изнашивалось, со времен Советского Союза почти ничего не ремонтировалось, ветшает, ржавеет, сыпется, сейчас спешно латаем дыры, на это каждый год уходит почти столько, что хватило бы на постройку нового. Но с новыми другая головная боль: даже по стране непонятно куда тянуть нефтяную нитку в первую очередь, а уж за рубеж так и вовсе: все бывшие союзные республики злорадно потирают ладони, вот щас мы вас и нагреем за топтание нашей территории так, что дешевле нефть сжигать еще на выходе из буровых вышек...

И все же, несмотря на тяжелый и напряженный день, все время нечто сидит занозой в мозгу. Вошел Карашахин, быстрые глаза стрельнули в мою сторону, по спине прошел холодок, словно сзади открыли окно в ветреную зиму. В сердце остро кольнуло. Заноза и там, еще острее, она погружается вглубь, вызывая боль и желание ухватить ее хоть зубами и вырвать с корнем.

Я со стесненным чувством наблюдал, как он подошел и положил на стол красную папку. В ней оказался всего лишь один листок, свежая новостная распечатка. Я быстро просмотрел, заноза превратилась в крупную разлохмаченную лучину.

– Это... – спросил я глухим голосом, – проверено?

Глаза мои, не отрываясь, снова и снова сканировали текст. Карашахин ответил негромко:

– Такие вещи проверяем сразу.

– Не деза? Точно не деза?

– Господин президент, – он говорил почти с сочувствием, хотя, на мой взгляд, должен от радости, что уел меня, пойти вприсядку, – господин президент!.. Я тоже не хотел бы попасться на провокацию.

Наши взгляды прыгали по листку, зацепляясь за ключевые фразы: «изучения языка кобызов...», «вооруженные формирования...», «обнаружено восемь тайников с оружием...», «требование в местной печати отдавать меньше денег в Центр и больше направлять на местные нужды...», «заявления аятоллы Абдуллы Шера о необходимости автономии кобызов...»

Карашахин сказал подчеркнуто:

– Раньше подобные заявления... не совсем подобные, но мелкие требования появлялись раз в месяц, теперь – раз в неделю. Интенсивность их нарастает по экспоненте. Скоро это перерастет... уже перерастает!.. в лавину. Если первые требования поступали в виде просьб и робких пожеланий и касались только кружков по изучению быта и культуры кобызов, то сейчас пошли требования автономии...

Я сказал со стесненным сердцем:

– Требования? Пока что это просьба, да и то одна-единственная!

Он прямо посмотрел мне в глаза:

– Господин президент, чем вы глубже засовываете свою красивую голову в песок, тем беззащитнее ваша задница. Мне бы это по фигу, сам бы воспользовался, но вы подставляете и задницу России!.. Скажите прямо сейчас, вот нас слушают и эти морды, вы уверены, что это останется просьбой? Да еще одной-единственной?

Я поморщился, он чересчур уж упивается победой, говорит добивающими фразами, морталити, видите ли, прямо щас вырвет мое сердце и помчится вприпрыжку вокруг стола.

– Экстремисты, – проговорил я. – Они везде есть. Даже здесь. Нет-нет, я не указываю на вас пальцем. Зачем, когда все и так это знают?.. Я все еще не вижу угрозы. Не придуманной, а реальной. Знаете ли, время от времени чуть ли не каждая область начинает бурчать, что налоги в Центр идут чересчур большие, а некоторые намекают, а то и требуют, чтобы на местные

нужды оставлять больше. При чем тут кобызы? В Иркутской области ни одного кобыза нет, но они уже пятый год лоббируют всюду идею самостоятельности, чуть ли не автономии Иркутской области! Еще чуть – и договорятся о провозглашении Иркутской республики!

Он смотрел со странным выражением.

– Господин президент, я вас не понимаю. Вас это веселит? По-моему, плакать надо.

Я сказал с неудовольствием:

– Не надо плакать, глаз не хватит. Все мы люди, даже политики, всех нас заносит... не только к чужим бабам. Все выровняется, Всеволод Лагунович. И насчет Иркутской республики только треп, и насчет автономии для кобызов. Все мы желаем большего, чем получаем. То же самое получится и у кобызов. Возможно, им хотелось бы вообще империю кобызов, что попирала бы мелкие США, Россию, Европу, но... желать не вредно.

Он смотрел неотрывно.

– Господин президент, это не только желание. Это – действие.

– Пока только слова, – ответил я устало. – Несколько горячих голов из молодежи...

– Аятолла не молод!

– Аятоллу, по-моему, просто занесло. Вообще откуда у них аятолла? Так, какой-то самозванец. Работает на публику, взрослых людей на дурость подбить трудно, а молодежь охотно пойдет строить Великую Кобызию.

– Великий Кобызстан, – вставил Павлов. Подумав, сказал нерешительно: – По-моему, я уже на днях где-то слышал это...

Карашахин посмотрел на меня победно, я поморщился:

– Глеб Борисович, и вы этот, как его, что в мартовские иды?.. Ладно, понимаю, я должен побывать там лично. Ничего пока решать не будем. Ни слова, ни полслова! Я должен все увидеть сам.

Они смотрели в удивлении, я сам удивился своему внезапному решению, время президентов расписано вперед на месяцы, каждый визит тщательно готовится, даже если президент изволит всего лишь посетить детский приют или школу, в которой учился. Секретная служба заранее проверяет не только само место на предмет мин, но и прочесывает округу, убирая подозрительных и нежелательных, рассаживает на крышах снайперов, а среди встречающего народа половина всегда из сотрудников охраны.

Павлов спросил осторожно:

– Найти место в следующем месяце?.. Это трудно, однако...

– Нет, – ответил я. – Месяц только начался. Подбери на этой же неделе. А еще лучше завтра-послезавтра.

Он ахнул:

– Господин президент! Это же сколько встреч придется отменить!

– Не отменяй, – предложил я, – просто перенеси.

– А как раздвинуть сутки, – спросил он, – чтобы не двадцать четыре часа, а хотя бы тридцать шесть?.. Может быть, к концу месяца?

– Нет, – отрезал я. – Там, в самом деле, недобрые силы нагнетают обстановку. Я должен побывать там лично. Я всегда находил общий язык даже с самыми упрямыми студентами. Мне обычно удавалось убедить, доказать, переубедить...

Окунев сказал тихонько:

– Перевербовать. Вот как меня.

– Перевербовать, – отмахнулся я. – Пусть так. Это же не заставить, верно?.. Перевербовать – это на пальцах доказать преимущество того, что видно пока не так явно.

Конечно, это дурь – лететь куда-то, чтобы увидеть своими глазами. Это было важно в древние и средние века, когда не существовало еще достоверных карт, а путешественники бес-

совестно ввали про встречи с одноглазыми великанами в поднебесных горах. Можно бы принять и великанов, но год спустя в тех краях оказывался другой бродяга, которых рассказывал про одноногих карликов с тремя глазами на лбу, что живут на равнине, плоской как выструганный стол. Хуже того, третий путешественник важно повествовал про бескрайнее море в тех самых широтах, никаких великанов или карликов – одни дивные русалки...

Когда появились фотоаппараты, отпала необходимость умным людям ездить в дальние страны: фотоснимки – это не рисунки, где можно намалевать черт знает что! Затем эпоха кино, пошли кинорепортажи о дальних странах и народах, появилась цветная пленка, изобрели телевидение с его репортажами с мест... зачем куда-то таскать свои задницы? Включи ящик и смотри! Или купи на кассетах, лазерных дисках, на флешках или зипах красочные фильмы-энциклопедии. Можно смотреть телеканал новостей, посвященный только этому региону. А у президента возможностей незримо бывать везде и все видеть и слышать – неизмеримо больше, чем у простого смертного!

И все-таки я по старинке спустился по ступенькам, охранник распахнул дверцу лимузина, рядом еще три точно таких же и с идентичными номерами, как обычно, пойдут каруселью, чтобы возможный террорист не вычислил, какой именно подбивать из гранатомета... хотя мой автомобиль можно только крылатой ракетой, да и то лишь поцарапать, в дороге я переговорил по сверхзасекреченной линии с Сигуранцевым, Громовым, Новодворским, с Карашахиным говорить не пришлось, сидит рядом, помалкивает, а Крамар занял место рядом с шофером, бдит, готовый и в автомобиле закрывать меня своим телом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.